

Юлия Жукова

Ученье – свет, а богов тьма

Фантастика • Любовный роман • Юмор

Annotation

Кто сказал, что инопланетяне обязательно должны быть более развитые, чем человеческая раса? Кто сказал, что боги должны быть мудрее и дальновиднее людей? Они — тоже творения природы, такое же несовершенно и сложное, как мы. И как с ними быть, если они могущественные и опасные, но милые тугодумы? И что делать, если твои дети играют в прятки с лесными демонами, а земное правительство требует экземпляр на опыты?

Юлия Жукова

Ученъе — свет, а богов тъма

С тех пор как наш и без того разнообразный быт пополнился норовистым подростком, каждое утро начинается с краткого гуйхалаха неизвестно кому, чтобы сегодня день прошел мирно и не слишком угрюмо. Честно говоря, когда я обнаружила, что у моего мужа есть ребенок от прежней невесты, я ожидала, что это мне будет тяжело с ним выстроить отношения, а получается вовсе наоборот: со мной у Кира контакт, мир и довольство, а с Азаматом не пойми что. Вчера вот опять были проблемы, не знаю, может, Азамату удастся воспользоваться моим методом трудотерапии... Хорошо хоть наш младшенький папу неизменно радует, а то совсем бы мой муженек загрустил. Ну, совсем-то загрустить я ему не дам, в конце концов, не только в детях счастье, как мы вчера неоднократно установили.

Завтрак Азамат приносит мне в постель, как в старые добрые времена.

— Я смотрю, тебе вчера понравилось, — сонно хмыкаю я.

— Конечно, понравилось, — бодро отзывается он, деловито размешивая мне сахар в кофе. Такой муж мне нравится существенно больше, чем то, что бродило с невидящим взглядом по дворцу последнюю пару недель. Протягиваю руку и глажу его по щеке — она еще бугристая, но уже почти нормального цвета. Азамат целует мою руку.

— Ты сегодня в хорошем настроении, — замечаю я.

— Я последовал твоему совету, — улыбается он, подавая мне чашку. — Попросил Кира помочь. Это и правда творит чудеса: он немедленно стал вести себя нормально.

— А к чему ты его припахал? — интересуюсь, кроша на одеяло печеньем. Все равно сегодня все стирать, можно и помусорить.

— Готовить завтрак Алэку. Мне мать рассказала несколько отличных рецептов такого пюре, как ты с Гарнета заказываешь. Алэк уплетает за обе щеки!

Я с трудом проглатываю печенье.

— Ты не мог бы показать мне эти рецепты прежде, чем проверять их на ребенке? И, надеюсь, ты проследил за Киром, когда он готовил?

Волосы Азамата резко становятся пышнее — как будто хотят встать дыбом, но не могут из-за длины.

— Лиза! Ты что! Кир не причинит вреда Алэку, как ты можешь такое предполагать?!

Ясно. Уровень адекватности: ноль целых хрен десятых.

— Я не имела в виду нарочно, — поясняю по слогам. — У Кира представления о санитарии даже по твоим меркам дикие. Применительно к целительству он, кажется, уразумел, что к чему, но на еду это вряд ли перенес.

— А... — Муж немного теряется. — Извини, я тебя неправильно понял.

— Да, я заметила, — киваю, недоуменно его рассматривая. — И судя по твоей реакции, у тебя у самого были опасения по этому поводу.

— Ну, — Азамат на секунду опускает глаза, — он, конечно, немного завидует Алэку. Но я абсолютно уверен, что Кир не станет ему нарочно вредить. Я понимаю, если бы Алэк был постарше, а так — младенец, ну что с него взять?

— Да нет, они вроде нормально друг к другу относятся. Но ты бы все-таки за Киром присмотрел, мало ли где он напортачит. Будет хуже, если он что-то сделает не так, а мы никак не сможем узнать, была ли это ошибка или умысел.

— Естественно, я за ним присмотрел, — заверяет Азамат. — Я и овощи вымыл, и все

необходимое ему сам выдал. А рецепты, я думаю, хорошие. Ма по ним меня в детстве кормила, видишь, выжил. Да и вообще, она плохого не посоветует. Ты сама говорила, что у нее хорошая интуиция в делах здоровья. У Алэка покупной еды одна баночка осталась, остальное все скисло. Я не хотел тебя будить...

— Ну ладно, живи. А с матерью ты сегодня уже разговаривал, что ли?

— Да, она звонила спросить, как там Аронова девочка. Боялась сразу ему набрать, мол, вдруг дочка не выжила.

Я тяжело вздыхаю. Ийзих-хон могла бы и побольше верить в мои способности.

— Так что, Кир тебя послушался и даже не устроил скандал?

— Именно! Да не просто послушался, мне кажется, он с удовольствием взялся за дело.

Видно, и правда ему нравится приносить пользу.

— Ну пойдем, — говорю я, выскребаясь из кровати, — посмотрим на это чудо.

Внутренне мне все же не по себе, я еще никогда не оставляла Кира с Алэком наедине. Вроде последнее время Кир Алэка принял. Но все равно не по себе.

На кухне моему взору представляется столь умильная сцена, что все сомнения отпадают: Алэк сидит, по всей форме укомплектованный в детский стульчик, а Кир кормит его с ложечки детским пюре, бормоча себе под нос всякие поговорки и прибаутки типа «бог в дом зашел — Алэка нашел, его оглядел и поесть ему велел». Мелкий радостно разевает рот и очень старается ничего не потерять.

— Уть-ти госьпади, — всплескиваю руками. — Прелесть какая.

Кир отвлекается от своего бормотания и как-то виновато смотрит на меня.

— Доброе утро... я тут... э...

— Ты тут молодец, это я вижу, — улыбаюсь и иду налить себе сока.

Азамат отклеивает от холодильника липкий листок и протягивает мне — там несколько рецептов пюрешек. Я прочитываю и одобряю.

— Чем сегодня будем заниматься? — спрашиваю.

— Надо съездить в табун, — задумчиво произносит Азамат, располагаясь на диване под окном. — Через несколько дней приедет Арон, пойдем на охоту. Но я не хочу идти в лес, чтобы нашего мохнатого соседа не беспокоить. А в степи без лошадей никак. Вот, надо выбрать несколько да перегнать сюда. У Кира вообще собственного коня нету...

— Я не хочу на охоту, — тихо говорит Кир.

Азамат на мгновение закрывает глаза, видимо подавляя какой-то порыв.

— Ну, это ты сейчас не хочешь, — говорю. — Погоди, Арон приедет, рассказов понарасказывает, глядишь, и захочешь.

— Лошадь тебе нужна в любом случае, — подхватывает Азамат. — В табун мы поедем все вместе, а одного я тебя дома не оставлю. А будешь капризничать, — Азамат строго сдвигает брови, — заставлю объезжать молодых жеребцов!

Кир не пугается, только морщит нос и отворачивается.

— Это ведь опасно, — неуверенно говорю я. — Лошадь ведь может сбросить и копытом наподдать... и вообще.

— Конечно, опасно, — соглашается Азамат. — Поэтому я очень надеюсь, что Кир будет вести себя хорошо. — Он многозначительно смотрит на сына. Кир снова корчит рожу.

— Ну нет, дорогой, так не пойдет, — мотаю головой. — Еще покалечишь мне ребенка! За плохое поведение будет навоз убирать за этими самыми лошадьми. Безопасно, зато

противно. Но вообще я не вижу, почему бы это Кир вдруг стал плохо себя вести. Подумаешь, не хочет человек на охоту. Я вот тоже не хочу, меня же ты не станешь за это заставлять объезжать лошадей.

— Да тебя и заставлять не надо, — хохочет Азамат, вероятно вспомнив нашу весеннюю вылазку. — Я вообще не знаю, стоит ли тебя в этот раз к лошадям подпускать, еще разбегутся, ищи их потом по степи!

— Я могу и дома посидеть, — говорю.

— Да нет, — вздыхает Азамат. — Не сердись, Лиза. Я хотел тебя попросить обратно унгуц отогнать, потому что мы-то верхом вернемся. Не Алэка же за руль сажать.

— Ладно, — милостиво соглашаюсь. — Так и быть, поработаю пилотом. С тебя ужин и сказка детям на ночь.

— Обязательно, — склабится Азамат.

В степи ветрено и зябко, на траве то ли снег, то ли иней, но лошади еще пасутся. С одного из шатров сорвало часть внешней обивки, и двое пастухов под аккомпанемент цветистых выражений закрепляют все обратно. К нам выбегает мужик из Долхота, который в свое время восхищался Азаматовыми боевыми навыками. Он, кстати, воевал, пока война шла на планете, получил награду и потерял палец на руке. Я же ему протез и ставила.

— Ахмад-хон! — радостно восклицает он на бегу к нам. — Простите ради небес, у нас тут небольшая авария... Хотон-хон! Да благословят вас боги! Я уж думал, вы тут больше не появитесь.

Добежав, он кланяется, заложив руки под мышки. Потом вынимает и разводит ими:

— Ба-а, да и оба князя с вами!

— Счастлив будь, — приветствует его Азамат и подталкивает Кира, который быстро кивает. Алэк, примотанный к папе, машет кулачком.

— Как палец? — спрашиваю я.

— Отлично! — Пастух улыбается так широко, что зубы мудрости видать, и выставляет вперед грязноватую пятерню. Палец и правда неотличим от других, даже уже пожелтел от табака. — Я о нем и помню-то только потому, что положил себе за правило каждый вечер возносить гуйхалах за вашу целительную силу, Хотон-хон!

— Спасибо, — киваю я.

Кир с интересом рассматривает руку пастуха и косится на меня.

— Ну что. — Азамат окидывает взглядом пасущихся лошадей. — Показывай прошлогодних жеребцов побойчее, надо сыну подобрать достойного спутника.

Кир пригибает голову, но пастух не замечает: рассыпается в уверениях, что у них все лошади первоклассные, а потом увлекает нас за собой в гущу копытных.

— А что у него было с пальцем? — тихо спрашивает Кир у меня.

— Лазером отрезало, — пожимаю плечами. — Я бы просто пришила его обратно, но эти идиоты потеряли сам палец, так что пришлось ставить искусственный.

Кир поудобнее складывает брови и делает вид, что ему все понятно.

Внезапно из-за шатров раздается визг и лай.

— Филин!!! — вопит Кир и уносится на звуки.

— Ох ты ж... — оборачивается Азамат. — Как бы этот пес с местными не подрался, я и забыл о нем совсем. Пойдемте посмотрим...

Мы довольно резво добегаем до шатров и видим там эпическую картину: Кир в

окружении местных собак одной рукой вцепился в ошейник рвущегося в бой Филина, другой сжимает какую-то длинную железяку и грозит ею пастушьим собакам.

Азамат выкрикивает раскатистую команду, так зычно, что эхо от гор возвращается. Местные псы поджимают хвосты, отбегают и ложатся. Филин облизывается, садится и машет хвостом как ни в чем не бывало.

— Давай-ка его на поводок, — уже человеческим голосом предлагает Азамат.

Кир косится на него с таким видом, что, если бы у него был хвост, обязательно бы поджал, но поводок достает.

— Да сам уже понял, — бурчит под нос.

— Ишь ты какой у вас пес! — ахает пастух. — Никак худульский горный?

— А то! — ухмыляется Азамат. — Дворняг не держим.

— Вот это кто-то одарил своего Императора! — продолжает восхищаться пастух, обходя вокруг Филина, который склонил голову набок и смотрит вопросительно, мол, чего ходишь, может, вкусное что предложишь?

— Это князя пес, — качает головой Азамат.

— И где ж вы его взяли, Нойн-хон? — допытывается пастух.

— Нашел в лесу, — кратко отвечает Кир. — Мамку медведь задрал.

Пастух отрывается от созерцания пса и переключается на Кира.

— Одна-ако, Нойн-хон хорошо знает леса...

Кир ощетиливается и отворачивается.

— Ладно, — прерывает их Азамат. — Ты хотел нам показать жеребца. Пойдемте, а то уже за полдень.

— Так Филин — породистый? — спрашиваю я Кира.

— Угу.

— А что, это какая-то редкая порода? — продолжаю я.

Кир смотрит на меня, как будто заподозрил у меня Альцгеймера.

— Естественно. Это же худульский горный пес.

— А чего Гхан с ним так обращался тогда? — недоумеваю я. — Он ведь дорогой, наверное.

— Ну я что, дурак, Гхану говорить, что у меня пес породистый! Он бы его продал сразу, и все. Я и сам двух других щенков продал, которых нашел.

— А, так Гхан не знал?

— Конечно нет, — нетерпеливо вздыхает Кир. — С его ногой только в окна заглядывать, смотреть, как богатые люди живут!..

Кир осекается, поняв, что ляпнул лишнего. Я кладу ему руку на плечо.

— Азамат работает над тем, чтобы в приютах стало лучше жить.

— Знаю, — буркает Кир и поддергивает поводок покороче, чтобы Филин не запутался в лошадиных ногах вокруг.

— Ну вот, например, — громко произносит пастух, останавливаясь около горы рябого меха. — Второгодочка, быстрый, как стрела. Небольшой, мальчику подойдет.

— Мы не на год коня подбираем, — замечает Азамат. — Князь скоро с меня ростом будет, куда ему небольшого конька?

Скотина обиженно фыркает. Кир старательно изображает, что его это все не касается.

— Ну вы хоть прикиньте... — разводит руками пастух. — Зверь-то правда хороший. Давайте я собачку подержу.

Кир хмурится и отдает поводок Азамату. Обходит лошадь спереди, трогает за морду. Мне даже на это смотреть страшно — щас этот конь его как укусит! Но ничего, вроде обошлось. Кир кладет руку скотине на хребет, примеривается и запрыгивает. Конь оборачивается посмотреть, что это за дрянь прилипла у него к спине. Кир отдает тихую команду, и конь нехотя трогается с места. Филин понимает, что хозяин уезжает без него, и заливается испуганным лаем. Со стороны шатров ему откликаются местные. Алэк решает немного похныкать.

— Спокойно! — с нажимом приказывает Кир. — Я никуда не уйду.

Лучше всего это действует на Алэка. Мы с Азаматом хихикаем.

— Ишь ты, как пес переживает, — раздается у нас за спиной голос другого пастуха, который с севера.

— Да, они такие друзья, звездолетами не растащишь, — довольно отвечает Азамат, не отвлекаясь от созерцания Кира на коне.

Северянин здоровается со мной и присматривается к Филину.

— Неужто худульский горный?..

— Он самый! — поддакивает второй пастух.

— Вот это да... За сколько ж вы его купили, Ахмад-хон? Если не секрет?

— Его сын в лесу нашел, — бездумно отвечает Азамат, внимательно следя, как Кир спорит с конем о скорости перемещения. Животное ленится переходить на галоп.

Пастухи переглядываются. Я с интересом изучаю их мимику — вроде как свои люди, не станут же они красть собаку своего князя, правда? Но какой-то заговор тут явно происходит.

Кир возвращается рысью и спрыгивает с лошади.

— На этом ездить — только ругаться, — сообщает он.

— А, так вам *послушного* надо? — с плохо скрываемой усмешкой спрашивает северянин. — А мы думали быстрого...

— Ему хорошо бы неленивого, — отрезает Азамат. — Конь должен сначала переходить на галоп, а потом уже спрашивать зачем. А этот только и оборачивается, мол, уверен наездник? А может, еще порысим?

Кир улыбается в воротник, пастухи снова переглядываются. Да что такое, не пойму?

Пастух-северянин подводит нас к другому коню, побольше. Мне против света вообще не видно, где он там заканчивается. Шерсть у него белая с серым. Наверное, если бы был короткошерстным, был бы в яблоках, а так просто рябой. Кир рассматривает его безо всякого энтузиазма, выслушивая похвалы пастуха. Как и с первым, знакомится, погладив по морде. Потом заходит сбоку, подпрыгивает, чтобы дотянуться до хребта, и подтягивается на руках. Конь издает возмущенное кудахтанье и дергает с места куда-то в бескрайние просторы. Киру удается его притормозить примерно через полкилометра.

Азамат качает головой.

— Вы чего, лошадей нормально объездить не можете? Куда это годится?

— Да он послушный, только пугливый немного, — оправдывается северянин.

— Да? — грозно переспрашивает Азамат. — И почему ты решил, что сыну Императора подойдет пугливая лошаденка? Мне что, приплатить вам нужно, чтобы лучшего коня получить?

Кир возвращается и спрыгивает на землю, даже не пытаясь высказаться по поводу лошади: Азамат и так за него говорит.

— Ну, ну, не кипятитесь, Ахмад-хон! — Пастух поднимает ладони. — Давайте я вам

самого-самого послушного коня покажу. Вот, пожалуйста.

Он подзывает зеленовато-бурую скотинку с несчастными глазами. Кир глубоко вздыхает и тихо-тихо говорит:

— Отец... А можно мне... покрасивее?

Азамат хмыкает и хлопает Кира по плечу.

— Пройдись-ка ты вокруг, сынок, да присмотри себе сам какого хочешь.

Кир забирает у него Филина и уходит в гущу лошадей, а мы остаемся отчитывать пастухов. Минут через пятнадцать ребенок возвращается верхом и вполне довольный. Скотина под ним черная с ярко-рыжими гривой и хвостом, как у моего Пудинга, Филин трусит рядом, довольно погавкивая.

— Вот. — Кир демонстративно объезжает вокруг нас. — Этого хочу.

Азамат хлопает коня по шее:

— Да, неплохо, неплохо. Полуторалетка, да?

— Ему год и семь, — говорит пастух-долхотчанин. — Но этот с норовом, абы кого к себе не подпускает.

— Сын у меня тоже с норовом, — усмехается Азамат. — Достойная пара.

Кир напрягается, пытаясь понять, похвала это была или укор.

— Хороший, хороший, — заверяю его я. — Ты, Кир, я смотрю, вообще со зверьем легко ладишь.

Ребенок смущенно кивает.

К нам приближаются остальные два пастуха, наконец-то сладившие с шатром.

— Здоровья вам, Ахмад-хон, Хотон-хон, — в унисон желают они, кланяясь. — Извините, что сразу не подошли, — продолжает один. — Видите, на этом ветру чуть крышу не унесло.

— Да я смотрю, она у вас закреплена как-то хлипко, — замечает Азамат. — Так на малых шатрах крепят, на большом и не будет держаться. Вы бы...

Дальше он пускается в объяснения технологии, которых я не понимаю, так что я переключаюсь на Кира. Он довольно гладит по гриве своего нового коня.

— А тебе не нравятся такие серебристые, как у Азамата? — спрашиваю.

Кир невнятно поводит плечом.

— Я пойду еще проедусь, — говорит он вместо ответа и отчаливает под веселый лай Филина.

— Хотон-хон, — негромко окликает меня пастух-долхотчанин. — Может, вы знаете, почем собачку-то покупали?

— Да не покупал ее никто! — пожимаю плечами. — Чего вы заикнулись? Мы Кира вместе с собакой нашли, с собакой и забрали.

— А-а... — странным тоном протягивает северянин. — Ну тогда конечно, приходится говорить, что нашел, это понятно. Императорский сын все-таки, негоже...

— Думаете, я не слышу?! — вопит у меня за спиной Кир. — Я его не крал! Я знаю, что все думают, что я его украл, но я не крал!!!

Он подлетает к нам и спешивается, на щеках красные пятна, в глазах слезы. Я беру его за локоть — ишь как его проняло!

— Кир, успокойся, чего ты так переживаешь?

— Того! — Ребенок разворачивается ко мне и продолжает тем же громким, надорванным голосом: — Меня это уже достало! Все думают, что я вор! А я его не крал!!!

— На меня-то не кричи, — говорю. — Я знаю, что ты его не крал. Что ты так

нервничаешь из-за двух идиотов, которые только и годятся коров пасти?

Кир замолкает неожиданно для самого себя, зато я замечаю, что Азамат больше не обсуждает устройство крыши, а наблюдает за развернувшейся сценой, одной рукой покачивая Алэка.

— Я слышу, — говорит он негромко, но угрожающе, — что *моего сына* здесь обвиняют во лжи и воровстве. Уж не потому ли были такие проблемы с подбором лошади, что вы считаете князя недостойным своего титула?

— Прощения просим, Ахмад-хон! — выпаливает долхотчанин, низко кланяясь. — Никого не хотели обидеть, удивились неуместно, не гневайтесь!

Азамат кивает и отворачивается обратно к работягам. Долхотчанин тычет северянина под ребра, мол, тоже неплохо бы извиниться.

— Да ну к шакалу, — шипит северянин. — Какой он ему сын? Шваль безродная!

Кир бросается на него, но не успевает ничего сделать, потому что кулак Азамата, внезапно оказавшегося очень близко, прилетает пастуху в ухо. Он валится на землю. Повисает неприятная тишина. Я осторожно носком ботинка подталкиваю тело — оно стонет.

— Не убил, — с ироничным сожалением говорю я.

— Еще чего, — огрызается Азамат. — За такую пададь компенсацию платить. Пускай своим потом зарабатывает. Только не здесь.

Я беру за локоть Кира, который нервно сглатывает, переводя взгляд с разгневанного отца на побитого обидчика. Азамат подает не лучший пример своим поведением. Кира я пыталась отучить ровно от этого, а его образец для подражания внезапно выкинул тот же самый номер. Ну зато теперь видно, в кого мальчик растет.

— Еще кто-то из присутствующих хочет высказаться по поводу моего сына? — тихо интересуется Азамат.

— Отличный парень! — выпаливает долхотчанин. Двое других молчат, опустив головы.

Азамат задумчиво кивает и оборачивается к долхотчанину.

— Тебе поручаю найти замену этому недоумку. Чтобы завтра его уже тут не было. Вы двое, — бросает он остальным пастухам, — приведите мне двух послушных серебристых коней лет пяти. Послушных. Серебристых. Лет пяти. Двух. С первого раза справитесь?

Он так зыркает на пастухов, что даже мне делается жутковато, несмотря на общую комичность Азамата в пестром слинге с сонным младенцем. Кир весь напрягся. Пастухи вообще того и гляди обделаются — кивают, как болванчики, и бегом кидаются выполнять приказ. Через две минуты перед нами образуются заказанные кони. Азамат берет их за подбородки обеими руками и ведет прочь, туда, где стоит наш унгуц. Я, Кир, Филин и Киров жеребец плетемся следом. Алэк, которого перестали покачивать, принимается хныкать.

Когда мы отходим на изрядное расстояние от пастухов, Азамат немного расслабляется и перестает испепелять взглядом траву под ногами.

— Не расстраивайся, малыш, — неожиданно дружелюбно говорит он Киру. — Идиотов вокруг много, и ты, конечно, еще натерпишься оскорблений. Но помни, что подобные высказывания позорят не тебя, а того, кто их делает. Ты конем доволен?

Кир кивает, почесывая гигантское копытное под мордой.

— Вот и отлично, — улыбается Азамат. — Тогда, я думаю, пора домой. Лиза, ты не возьмешь маленького в унгуц? Я боюсь, он устал и хочет вернуться поскорее.

— Давай.

Кир наблюдает за передачей Алэка, постепенно приходя в себя. У меня на руках мелкий начинает намекать, что нехреново бы пожрать.

— Подожди немного, — говорю. — Тут лететь десять минут, дома поешь.

— Отец... — тихо окликает Кир.

— Ау? — оборачивается Азамат, закрепляя на мне концы слинга.

— Вы... вы верите, что я не крал?..

— Конечно, верю, — не задумываясь отвечает Азамат. — Ты мне до сих пор никогда не врал, так почему я должен сомневаться?

Кир пожимает плечами, но на лице его хорошо заметно облегчение. Я глажу его по руке.

— Филин к тебе так привязан, что сразу видно, ты его из беды выручил, — говорю. — Он с вами побежит?

— Да, — несколько раз кивает Кир. — Он может сколько угодно бежать, до дома — это вообще легкотня.

— Ну ладно, тогда мы с Алэком полетели. И да, Азамат, спасибо за демонстрацию. Теперь я знаю, как ты «объясняешь подходчивее».

Азамат смущается.

— М-да, немного не сдержался, вообще, конечно, мне не подобает лично силу применять. Прежние Императоры на такой случай с собой стражу таскали, но мне это как-то не очень удобно... Да и кто бы мог предполагать...

Алэк принимается скулить, и я поспешно вставляюсь за руль. Кажется, Кир снова голову повесил, ну ладно, приедут — тогда и будем разбираться.

Дома я первым делом кормлю Алэка. Он уже всю ревет, так что готовить или греть утреннее некогда, обхожусь молоком. Зубы пока не начали резаться, так что мне ничто не мешает. Алэк вообще развивается во вполне земном темпе, разве что чуть-чуть ближе к верхнему порогу нормы. Хоть и муданжец наполовину, все же не такой неторопливый, как местные дети.

Однако ребенок что-то оголодал на совесть: выпил все, что было во мне, и потребовал еще. Я, правда, сегодня почти ничего не ела, только печенье утром. Видимо, молока было мало. Приходится достать из морозилки и разогреть пакет со сцеженным молоком. Оно не такое вкусное, да и вообще, скорее всего, кто-то просто выпендривался: пару глотков сделал из бутылочки, и все, больше не хочет. Вот переводчик продукта маленький! И уже хнычет, изворачивается, пора спать.

Уложив мелкого, устраиваюсь на кухне с остатками вчерашнего супа и раздумываю, что делать с целой бутылкой теплого молока. Снова замораживать — нехорошо, в следующее кормление я бы лучше свеженького мелкому дала. Не блины же на нем печь...

Азамат с Киrom добираются до дома довольно быстро. Я слышу ржание лошадей на улице, лай Филина. Табун пришел к нам домой, да. Высовываю нос за дверь.

— Вы бы уняли зверье, — говорю. — Мелкий спит.

— Да-да, извини, — быстро кивает Азамат и машет Киру, чтобы шел за ним располагать коней в стойлах на стоянке унгуцев.

Филин залезает в свою конуру, и я ставлю размораживать для него кусок мяса.

Кир заходит в дом радостно-возбужденный, без напоминания моет руки и покрасневшее лицо.

— Там в микроволновке еда для твоего драгоценного пса, — говорю. — Я не стала его

кормить, подумала, ты сам захочешь.

— Спасибо, — скалится ребенок и бежит к конуре.

— Ну что. — Азамат тоже моет руки и распахивает холодильник. — Как насчет хшур?

— Отлично! — в один голос одобряем я и вернувшийся Кир.

— Поможешь? — лукаво спрашивает Азамат через плечо.

— Ага! — с готовностью соглашается Кир. Потом заглядывает сбоку от Азамата в холодильник. — А можно чего-нибудь быстренько перекусить? Может, сыр какой-нибудь завалился?

— Моего молока хочешь? — усмехаюсь я, поскольку так и не придумала, что с ним делать.

— Вашего? Это как? — не понимает Кир.

— Ну, грудного. Вон в бутылке стоит. Я для Алэка сцеживаю, а он не допил.

Кир смотрит на меня так, как будто у меня выросло три головы.

— А что, *можно?*

— А почему нет? — пожимаю плечами. — С ним ничего не сделаешь. Правда, предупреждаю, оно не очень вкусное. Азамату, например, не нравится.

Азамат следит за Киrom с ухмылкой. Алэк не первый раз молоко не допил, и я уже пыталась заставить Азамата его утилизировать. Он сначала бормотал, что это как-то неправильно, а потом попробовал и долго мучился, как необидно мне сказать, что это ужасная гадость — *сладкое молоко*, фу-у-у. Я могла бы и сама догадаться, что он будет плевать. Мне-то тоже не очень нравится. Вот теперь Кира честно предупреждаю.

Кир оборачивается к отцу:

— Правда можно?

— Да пей уже, если так хочешь, — усмехается Азамат, снимая с бутылки соску. — Но оно действительно... э-э... специфическое.

Кир благоговейно берет бутылку и осторожно отпивает из горлышка, закрыв глаза. Потом некоторое время ждет. Потом открывает глаза и счастливо смотрит на меня.

— Оно прекрасное. Спасибо. Можно я допью?

— Пей, господи, сиротинушка, — прыскаю я. — У меня еще целый ящик в морозильнике этого добра, и свеженькое на подходе.

Кир медленно, небольшими глотками и причмокивая употребляет всю бутылку, потом еще несколько раз благодарит меня и почему-то Азамата. Муж тем временем принимается рубить мясо для хшур. Покончив с молоком, Кир берется за тесто. А я сижу и кайфую: мужики работают, ребенок спит, лошади в стойле, пес в конуре, куница в вольере, котята на диване. Да еще в доме прибрано — уборщик приходил. Лепота.

После ужина я усаживаю Кира разматывать нитки, а сама продолжаю вязать. Под это дело ставлю следующую передачу про тритонов и саламандр. Азамат сидит с нами и отвечает на письма. Прекрасный вечер в кругу семьи. Кир наостряется разматывать нитки не глядя и жадно читает субтитры. Даже выучивает несколько слов на всеобщем.

На ночь Азамат читает нам всем сказки, как и обещал. В том числе странную сказку с сюжетом вроде «О царе Салтане», только вместо одного Гвидона в ней фигурируют золотой мальчик и серебряная девочка. Муданжские сказки вообще странные, но эта особенно удалась: мать главных героев злые враги живьем зарыли в землю, однако лет через двадцать раскаявшийся муж ее откопал, и она неплохо сохранилась. Принялась петь и танцевать,

уговорила плодоносить какую-то засохшую яблоню и напоила своих взрослых женатых детей медом из грудей. Я понимаю, конечно, почему сегодня Азамат выбрал именно эту сказку, но как бы мне кошмары сниться не начали от таких сюжетов. На Кира, впрочем, кажется, впечатления не произвело.

— Последняя сказка была ужасная, — сообщаю мужу, укладываясь в постель.

— Да-а, — урчит Азамат. — Она очень древняя, а в древних сказках больше символов, чем красоты. Но я подумал, что Киру будет полезно ее послушать. Материнское молоко — это очень важный символ на Муданге. Ты ведь знаешь, у нас женщины редко кормят сами, так что это своего рода благословение Богини-Матери. Спасибо тебе, что его угостила. Я подумывал тебя попросить, но решил, что это будет уже слишком, ты и так его очень хорошо приняла.

— Он поэтому десять раз разрешения просил? И потом благодарил тебя за что-то? Я уж так и подумала, что тут какое скрытое значение.

— Да уж какое скрытое, — хмыкает Азамат. — Его родная мать ему ни капли не дала в свое время, а тут вдруг ты, чужая, в общем, женщина, предлагаешь целую бутылку. Вот это я понимаю, прием в семью.

— Давно бы сказал, — пожимаю плечами. — Может, он бы быстрее к нам привык.

— Я думаю, если бы ты ему прямо сразу молока предложила, он бы решил, что мы опасные безумцы, — смеется Азамат. — По-моему, все вышло просто отлично, потому что не нарочно. Может, он теперь успокоится наконец. Эх-х... — Азамат подгребает меня поближе и трется щекой о мою макушку. — Может, кончились наши невзгоды, как ты считаешь?

— Не гадай, — кривлюсь я. — *Нас* так просто в покое не оставят.

Лошадь — это не только средство передвижения и спутник жизни, это еще и классная увлекательная игрушка, навроде нового телефона. И мои мальчики явно в детстве не наигрались. Вот уже полдня выгуливают своих скотов, меряются, чей выше прыгает, и учат мелкого командам. Он, правда, визжит все что угодно, только не то, что нужно, и лошади немного нервничают.

Я постояла понаблюдала за этим развлечением минут двадцать, зевнула и пошла домой консультировать страждущих на форуме. И вот как раз когда я обдумываю, как бы потактичнее и попонятнее объяснить некоему зажиточному фермеру, что с его сыном все хорошо, а вот у него самого запущенная паранойя, мне звонит Алтонгирел.

То есть звонит он не совсем мне, а просто на местный большой бук, которым мы с Азаматом пользуемся неразлично.

— А, — говорит, — это ты. Здравствуй. Где Азамат?

— Выгуливает детей и зверей, — отвечаю. — И тебе привет.

Алтонгирел откачивается сначала в одну сторону, потом в другую, как будто хочет удостовериться, что муж не стоит у меня за спиной, подслушивая разговор.

— Да нету его, — говорю. — Он на стоянке.

— Угу. — Алтонгирел усаживается поудобнее и вдруг пригибается к экрану и спрашивает шепотом: — Ну как они ладят?

— Последние пару дней ничего, — задумчиво склоняю голову. — Хотя Кир по-прежнему странноватый. Вроде все хорошо, всем доволен, вдруг смотришь — опять надулся. Вчера, например...

Я кратко пересказываю вчерашний эпизод с побитым пастухом. Алтонгирел смотрит на

меня пристально и корчит самые невообразимые рожи. В конце он страдальчески потирает лоб и некоторое время молчит.

— Что скажешь, духовник? — спрашиваю.

— Наверное, хорошо, — медленно начинает Алтонгирел, — что Азамат двинул этому полудурку.

— Конечно, хорошо, — удивляюсь я. — Есть сомнения?

— Я в том смысле, — продолжает Алтоша, — что раньше бы он так не сделал. До твоего появления он принимал оскорбления как должное, никому даже в голову не приходило, что ему обидно...

Я нетерпеливо вздыхаю.

— Ну естественно, у него с тех пор повысилась самооценка! Если ты не заметил, его вообще-то Императором сделали, а такие вещи обычно влияют на отношение к себе, знаешь ли. Я поражаюсь, как этот козел посмел рот открыть. Это ж надо быть таким кретином, чтобы опустить сына Императора в его присутствии! На что он рассчитывал, интересно? Что Азамат глухой?

— В том-то и дело, — хмурится Алтонгирел. — Если бы этот мужик самого Азамата оскорбил, Азамат бы сдержался. Он вспылал из-за мальчишки. Это, конечно, тоже кое-что говорит об этом... как ты его называешь... самомнении. Пастух, конечно, идиот, но сама ситуация показательна: народ не принимает безродного князя.

— Но официально Кир — не безродный, — возражаю я.

— Ага. И все, конечно, верят.

— Хочешь сказать, Азамату что-то угрожает? — озабоченно спрашиваю я.

Алтонгирел пожимает плечами.

— Он сам себе главная угроза. Надо было найти мальчишке приличную семью на Гарнете, а лучше еще подальше, назначить пособие и расслабиться. Кого повоспитывать-то найдется, вон у тебя спиногрыз растет. А Азамату этот мальчишка важнее должности. Ну как так можно? — Алтонгирел тяжело вздыхает. — Теперь все время будут проблемы. Ну допустим, половина населения верит в вашу сказку. Но вторая половина уж точно догадывается, как все было на самом деле. Потому эти ваши пастухи и лошадей показывали плюгавеньких, чтобы пацан не зарывался, не думал, будто ему теперь все кланяться станут. А-а! — Духовник раздраженно отмахивается. — Вот упрямый шакал...

Это он про Азамата, я так понимаю.

— Алтонгирел, — окликаю я, пока у него перерыв в тираде, — а ты Кира принципиально по имени не называешь?

— Да нет, — пожимает плечами духовник. Потом поднимает на меня встревоженный взгляд. — И ты туда же? Азамат — я еще понимаю, он всю жизнь мечтал завести кучу детей. Но тебе-то какое дело, как я называю этот сборник проблем? Он ведь даже не твой.

— Ну-у, — я склоняю голову набок, — знаешь, мне как-то удобнее считать его своим, иначе приходится делить семью. Опять же, он-то не виноват, что безродный и что у Азамата из-за него проблемы. Да и потом, он довольно милый, особенно когда не психует. Вчера вообще была такая лапочка, я его своим молоком угостила, так он...

— *Что-о* ты сделала?! — вытаращивается Алтонгирел, хватаясь за край экрана для устойчивости.

— Ну у меня осталось лишнее в бутылке, — раздраженно поясняю я. Подумаешь, какая невидаль.

Алтонгирел проводит руками по лицу и волосам, как будто умываясь.

— Ты все-таки больная на всю голову, — резюмирует он.

— Да ну тебя, — обижаюсь. — Что ни скажу, все плохо.

— Э-э, да нет, я... в хорошем смысле, — исправляется духовник.

Я ржу. Он еще пытается оправдаться, потом сдается.

— Вы с Азаматом в самом деле идеальная пара, — скрипит зубами. — Ты его в любом сумасбродстве поддерживаешь, да еще и опережаешь. Я вообще не представляю, как твои дикие выходы выглядят для этого вашего Кира. Он ведь, когда повзрослеет, станет важным человеком на планете.

Я соглашаюсь, что Киру с нами, раздолбями, тяжело, прощаюсь и отключаюсь как раз перед тем, как мои возвращаются в дом. Едва Азамат показывается на пороге кухни, становится ясно: они снова повздорили.

— Что на сей раз? — тихо спрашиваю я.

Азамат устраивает Алэка в манеже, падает в кресло и устало трет лицо руками.

— Я уже ничего не понимаю. Мне кажется, я так долго не выдержу.

Кир, застывший у двери по стойке «смирно», при этих словах подбирается.

— А у тебя есть выбор? — поднимаю бровь. Мне не нравится, как Кир стоит. Как бы не рванул куда-нибудь. — Кир, иди сюда.

Ребенок осторожно приближается, поглядывая на дверь. Азамат смотрит в пространство. Я прихватываю Кира за плечи и направляю на диван, чтобы сидел рядом со мной и далеко от двери.

— Ну что вы там опять не поделили? — спрашиваю, поглаживая его по затылку.

— Ничего, — почти беззвучно отвечает Кир.

— Я просто попросил его пришпорить лошадь, — рассказывает вместо него Азамат. — После чего внезапно катание нам стало не интересно, и мы, не объясняя причин, развернулись и пошли домой. Я не понимаю, Кир. Я что, невежливо к тебе обратился? Или тебе показалось, что я недостаточно высоко оцениваю твои способности наездника?

Ребенок смотрит в пол блестящими глазами.

— Или вчера, — продолжает Азамат, — я недостаточно ясно сказал, что ты можешь выбрать любую лошадь и сколько угодно ее гонять, чтобы убедиться, что она тебе подходит? Или, может, твой конь сбил копыто, а я и не заметил, бесчувственный придурок?

Кир резко втягивает воздух, явно еле сдерживая слезы.

— Азамат! — шиплю я. — Перестань!

Но муж, похоже, разошелся не на шутку. Он встает и принимается мерить шагами кухню, непрерывно перебирая варианты.

— Или ты обижаешься, что я вчера не убил этого подонка? Я вообще считаю, что убивать людей — плохо, но ради тебя готов поступиться принципами. Может, ты хотел бы, чтобы я оставил место Императора и увез тебя куда-нибудь на другую планету, где бы никто не тыкал пальцем и не обзывался? В принципе можно и так, если тебе от этого станет легче. Надеюсь, ты не против, если Лиза и Алэк поедут с нами? — Азамат застывает напротив Кира со странным отчаянным выражением на лице. Ох-хох, да он не иронизирует, он это всерьез...

— *Отстань от меня!!!* — взрывается Кир, подскакивая с места. — *Я по горло нажрался твоими тупыми предложениями!!! Неужели так трудно — просто оставить меня в покое?!*

Ребенок дрожит, по щекам текут слезы. Азамат совершенно ошарашен. Я протягиваю

руку успокоить Кира — Азамат его довел, конечно, это ясно, но, может, если он выговорится и выплачется...

Кир стартует с места по направлению к двери, и Азамат рефлекторно ловит его за руку. — Подожди, Кир, ну давай все обсудим...

Ребенок дергается, как будто его током долбануло, и выкрикивает на пределе легких: — *Убери от меня руки, урод!!!*

Я разеваю рот, не зная, что сказать. Азамат отшатывается с таким видом, будто его побили плеткой. Кир, воспользовавшись свободой, скрывается за дверью — и я слышу, как хлопает входная.

Азамат стоит, глядя в пол, и слегка покачивается. Я сползаю с подлокотника дивана — и когда на него приземлилась-то? — и подхожу обнять мужа, но он не реагирует.

— Вот в чем дело, — тихо говорит он. Я понимаю, что он плачет. Прижимаюсь крепче. Азамат закрывает глаза. — Конечно, он не может долго меня терпеть. Кир очень красивый мальчик...

— Он очень похож на тебя, — замечаю тихо.

— На того, кем я когда-то был, — поправляет Азамат.

— Да у тебя шрамы-то уже почти не видны, — принимаюсь уговаривать я. — Цвет здоровый, кожа тянется, чувствительность нормальная. Подумаешь, неровно! Ты же его почти не трогаешь! И вообще, поначалу у него никаких претензий к твоей внешности не было. Дело в чем-то еще...

— Лиза, — Азамат прерывает меня с безысходной твердостью, — я бы сам с радостью был глухим. Или тупым. Но ты сама все слышала.

Как же я хочу возразить!.. Но — нечего.

Кир возвращается уже потемну. Я сижу внизу и раскладываю пасьянс в буке. Один за другим, один за другим. Злюсь, нервничаю, глупо себя чувствую. Азамат заснул, укачивая Алэка, и я так его и оставила в детской комнате на кровати Тирбиша. Бедный мой, весь день ходил совершенно убитый. На Кира зла не хватает — такое с отцом сделать! Ох, попадись ты мне...

Вот он попадается. Заходит тихо, осторожно прикрывает за собой дверь. Я сижу в темноте, он меня не сразу замечает, только когда я с клацаньем захлопываю крышку бука и выхожу на кухню. Вздрагивает, вжимает голову в плечи и пятится. Я сжимаю зубы — не потому что не хочу его обругать, а потому что муданжских слов у меня на такой случай недостаточно, а родные он не поймет. Молча, рывком открываю холодильник, достаю лотки с мясом и гарниром, бутылку молока. С грохотом ставлю все это на стол, распаиваю дверцу микроволновки и ухожу обратно в гостиную. Звукоизоляция в доме хорошая, Азамата не потревожу.

Кир начинает шуршать на кухне — выкладывает себе что-то на тарелку, ставит греть, остальное убирает. Наливает молока, убирает бутылку. Умывается. Достает ложку и садится есть. Я вижу его, только когда он подходит к раковине, остальное время — слышу. Я хочу пойти и залепить ему подзатыльник, но это не исправит ситуацию. Били его и раньше, и сильнее. И оставляли без ужина. Он не полюбит Азамата от того, что я поступлю с ним так же. От того, что накормлю и поглажу по голове, конечно, тоже не полюбит. А все остальное не важно. Так что пусть ест, мне не жалко. Ах да, еще же витамины.

Снова выхожу на кухню, Кир пригибается к тарелке, следит за мной из-под спутанных волос. Сейчас ведь изгваздает в жиру. Достая баночку с шипучими таблетками, растворяю в стакане порцию, ставлю на стол перед Киrom, не смотрю на него, не смотрю, иду в гостиную. Наверное, если я его тресну, станет легче. Вот прямо сейчас. А что будет потом? Он станет от меня шарахаться. Не поверит, что ему здесь желают добра. И то сказать, в данный момент я совершенно не желаю ему добра. Но если я доведу это до его сведения, Азамату не будет лучше. Азамат хочет, чтобы сын его любил. И чтобы отец его любил. А люблю его только я. И вынуждена терпеть этих двух козлов, как же они похожи! Может, Кир на самом деле — внебрачный сын Аравата? Он ведь хотел завести еще, да Ийзих-хон от него сбежала... Но нет, я же делала тест. И лучше забыть, что мальчишка похож на деда, иначе точно врежу.

Мои размышления прерывает сам Кир. Заходит в темную гостиную и топчется у входа, нерешительно покхекивая. Поднимаю голову.

— Простите... — хрипло начинает он и осекается, видимо, по моему лицу хорошо видно, что не прощу. — Мм... Мне мыться сегодня?

— Как хочешь, — по возможности бесстрастным голосом отвечаю я и возвращаю свое внимание к буку.

— Мн... кхм... а... где отец?

Я щурюсь на него, с трудом удерживаясь от замечания, мол, не заслужил ты право его отцом называть.

— Спит.

Кир кивает и замолкает, но не уходит. Я невидящим взглядом смотрю в бук и жду. Экран гаснет.

— Вы... сердитесь? — тихо и сипло спрашивает Кир.

Я отвечаю не сразу, чтобы не взорваться.

— Я в ярости, — говорю тяжело. — Я не хочу тебя видеть и слышать.

Он кивает и поспешно ретируется в кухню, а оттуда в прихожую. Надо надеяться, пошел к себе. Потому что если он сбежал... нет, я даже думать не хочу, что станет с Азаматом.

Я просиживаю внизу всю ночь. Даже гармарра не усыпляет сегодня. Только уже хорошо засветло понимаю, что можно попробовать лечь. Лифт стоит внизу, значит, Кир им не пользовался. Я не пойду проверять, у себя ли он. Мне хватило один раз обыскать весь дом, когда он пропал. Обойдется, много чести маленькому засранцу. Иду в нашу с Азаматом спальню — где нет Азамата — и падаю на постель, как есть, в домашних штанах и халате, не переодеваясь, даже не накрывшись одеялом. К счастью, засыпаю.

Днем меня будит Азамат. Он бледный и осунувшийся. Я недовольно ворочаюсь и понимаю, что отлежала шею.

— Лиза, — зовет муж, — ты не заболела? Скоро уже солнце сядет...

— Я поздно легла, — говорю, сажусь и принимаюсь растирать шею сзади. — Дай мне вон тот синий тюбик...

Азамат не просто дает мне тюбик, но и втирает содержимое в больное место.

— Ты сам-то как? — спрашиваю, расслабляясь под его уверенными руками.

— Ничего, — вздыхает он. — Кир сказал, ты его теперь ненавидишь.

— Ты с ним разговаривал? — удивляюсь.

— Ну так... Мы перекинулись парой слов. Я попытался с ним поговорить нормально, но он отмалчивается, а я не хочу навязываться. Если уж ему неприятно мое общество...

— А жирно ему не будет? — рыкаю я. — Он немного не в том положении, чтобы выбирать, общаться с тобой или нет! Тебе не кажется, что кто-то зажрался вообще? Поначалу дрожал, как бы не убили, а теперь, видите ли, отец ему рожей не вышел!

— Лиза, не кипятись. — Азамат устало упирается лбом в мой затылок. — С этим ведь ничего нельзя поделать. Он же не со зла, не нарочно. Не каждому дано терпеть уродство.

— Пациентов как-то терпит. И потом, Алтонгирелу вон тоже было не дано, однако научился, — напоминаю я.

— Да, но у него на это было пятнадцать лет, и он знал меня до того. Ты слишком многого хочешь от ребенка.

Я хочу плакать. Азамат даже не злится на него! Он это просто принимает как должное! Господи, куда я попала...

— Он хотя бы извинился? — спрашиваю без особой надежды.

— За что? — пожимает плечами Азамат. — Он ведь просто сказал все, как есть. А что на повышенных тонах — так я его сам дожал.

У меня нет сил спорить и доказывать, что Киру еще как есть за что извиняться. Алтонгирел полагает, что у Азамата выросла самооценка? Щаз-з. Хотя, может, она и выросла, только вчера снова упала ниже плинтуса. Господи, я даже не знаю, как выдержать хоть пять минут в обществе этого мелкого оборванца!

— Тебе принести завтрак? — читает мои мысли Азамат.

— Не надо, — мотаю головой. — Ты чем занят-то?

— Да так, упражнения делаю по учебнику, который твоя бабушка прислала.

— Я думала, ты закончил с ней заниматься.

— Ну, интенсивный курс закончился, теперь я только иногда сдаю ей чтение или грамматику. Вот, сижу учусь.

— А Кир?

— Гуляет с собакой. Я ему сказал, чтобы на закате возвращался ужинать, но до заката еще часа два.

— Понятно. Ладно, ты иди занимайся, я скоро спущусь.

Азамат меня оставляет, а я пытаюсь собраться с мыслями. Что делать, если не справляешься с ребенком? А что делать, если не справляешься со своим отношением к ребенку? Меня всю жизнь учили: не ладится дело в семье — обратись к специалисту. Пусть у

меня есть сертификат самостоятельного родителя и я не обязана раз в месяц ходить на консультации с семейным психологом. Но не обязана — не значит не могу. Я имею право получить поддержку в трудный момент, и от этого моей самостоятельности не убудет. Вот бабушка, когда маму растила, регулярно обращалась за консультацией, потому что свято верила, что сертифицированный психолог лучше знает, отчего ребенок безобразничает и как с ним поступить. И мама выросла настолько здоровым человеком, что даже Алтонгирел заметил, хотя бабушка — тот еще монстр. Со мной и Сашкой мама, правда, по консультациям не таскалась, но мы были тихими, целеустремленными детьми, и с нами лучше всего работала политика невмешательства. Короче говоря, маме повезло. А мне нет. А раз нет, значит, нужно поступать как бабушка. То есть обратиться к специалисту.

Мне становится легче уже от одного того, что я приняла это решение. Теперь осталось понять, к кому бежать. Очевидный вариант — связаться с каким-нибудь рекомендованным профи с Земли, но он мне не нравится по двум причинам: во-первых, конфиденциальность консультации может быть нарушена по политическим соображениям, а мне совсем не хочется, чтобы в случае конфликта Муданга с Землей у наших чинуш были в руках такие козыри, как внебрачный сын Императора. А во-вторых, ситуация на Муданге настолько сильно отличается от земной, люди тут думают настолько иначе, что земной специалист может и не разобраться.

Так что обращаться надо к кому-то из местных. Стандартный вариант — к духовникам — отпадает, потому что Ажгдийдимидин сам с предрассудками, а Алтонгирел уже посоветовал все, что мог, и это было симптоматическое лечение. Про других духовников мне и думать боязно. Остаются мирские Старейшины, например... Унгуц. Кстати, мне еще когда Ажгдийдимидин рекомендовал к нему обратиться по вопросам воспитания! Будь он нормальным человеком, я бы послушалась, а так... Ну ладно, не стоит больше откладывать, звоню сейчас же!

Унгуц принимает вызов сразу, как будто ждал звонка.

— А-а, Лиза-хян! — радуется он, и мне становится теплее от его улыбки и не хочется омрачать его веселое лицо моими тоскливыми проблемами. — Я все думаю, когда же ты позвонишь? Неужто советы старого Унгуца уже никому не нужны?

— Ой нужны! — говорю с чувством. — Вы себе не представляете, как нужны. Причем нужнее всего они были пару месяцев назад, но, может быть, еще не все потеряно.

Унгуц ставит бук на пол и откидывается на подушки.

— Ну рассказывай, что у вас там стряслось.

И я рассказываю все с самого начала, с того, как мы снимали Кира с крыши, — и до вчерашнего нашего куцега разговора.

Унгуц кивает, гримасничает, иногда посмеивается, качает головой. Даже вчерашние события его не печалят, и я начинаю волноваться, вдруг он отмахнется от меня, не воспримет нанесенное Азамату оскорбление как повод для переживаний.

Наконец моя история заканчивается. Унгуц еще некоторое время сидит и задумчиво кивает. Потом начинает говорить:

— Кто бы мог подумать, что Азамат способен настолько подавить своего подопечного. Мальчик-то с амбициями...

— Что бы там Азамат ни сделал, — глухо отзываюсь я, — он не виноват, что Кира не устраивает его физиономия.

Унгуц отмахивается:

— Не думаю, что у него на самом деле такой утонченный вкус. Скорее, он просто хотел сказать Азамату что-нибудь ужасно обидное, а это подвернулось на язык.

— Он преуспел, — поджимаю губы. — Еще бы понять зачем.

— Это-то как раз ясно, — поднимает брови Унгуц. — Хотел дожать до предела, чтобы все про него всё окончательно поняли.

— В смысле... — хмурюсь я, — адаптация? Хотел посмотреть, что будет, если мы всерьез разозлимся?

— Не думаю, — мотает головой Унгуц. — Он уже и так понял, что вы не станете его наказывать, как было принято в приюте. Скорее, мальчик просто не понимает, зачем вы тратите на него столько сил. Особенно отец, конечно. Ты-то правильно его, раз-раз, к работе приставила, тут помоги, там сделай, за хорошее поведение гостинец. Это он понимает, тебе нужны в хозяйстве руки, поэтому ты его терпишь. А Азамат, наоборот, зачем-то откладывает работу и свои нужды, чтобы с ним, Киром, возиться. В приюте такого никогда не было, кому он там нужен, заниматься с ним. За любое благо нужно платить, а чем — непонятно. Потом, Азамат не рассчитал сложность заданий, а мальчик решил, что не справляется, не заслуживает отцовского внимания. И перестал заниматься, потому что, ну, чего хорошему человеку, да еще Императору, тратить время на бездаря? А потом пошло-поехало. Он чувствует себя лишним в семье, старается ни в чем не участвовать, но Азамат все равно его вынуждает, все пристаёт с вопросами, с предложениями, тратит свое время, да еще обижается, вон другого хорошего человека побил... Парень старается поменьше бывать дома, чтобы поменьше привлекать к себе внимания. А вчера Азамат, как ты справедливо заметила, его «дожал». Это ж надо — предложить ради одного маленького Кира бросить пост, планету, друзей и чуть ли не семью! Мальчик понял, что единственный способ восстановить справедливость — это так насолить отцу, чтобы тот его выгнал. Вот и все.

Я пялюсь в экран стеклянными глазами. Да. Давно надо было поговорить с Унгуцем. Очень давно. Он действительно все поставил на свои места. И мне бы, конечно, в голову не пришло, что у Кира такие идеи. На Земле даже приемные дети считают себя центром Вселенной и твердо знают, что им все должны. Я просто никогда бы не подумала, что ребенок может считать себя недостойным чьего-то внимания. Это ненормально и болезненно. Чертов Муданг.

— Лиза-хян? Ау, ты здесь? — с усмешкой окликает меня Унгуц.

Я возвращаюсь в реальность.

— Угу... Старейшина, но что же мне теперь делать?

— А вот это хороший вопрос, — грустнеет Унгуц. — Хорошо бы попытаться поговорить с мальчиком. Объяснить, что он все не так понял. Но это будет тяжело, даже если с тобой он в принципе согласен разговаривать. Азамата лучше пока вообще не тормоши.

— Но я же должна ему сказать, что его внешность тут ни при чем!

— Вряд ли он поверит, — вздыхает Унгуц. — Боюсь, что тебе придется потерпеть его кислую физиономию до тех пор, пока Кир сам ему все не объяснит.

— Это может быть еще через полгода! — ужасаюсь я.

— Может, — кивает Унгуц. — Но если ты сейчас попытаешься все объяснить Азамату, он только усвоит, что сам виноват в несчастьях ребенка. Ты этого хочешь?

Я живо себе представляю, как Азамат кидается вымалывать прощения за свою нечувствительность и запугивает ребенка так, что тот пешком уходит обратно в приют. И

правда, пожалуй, нужно начинать с другого конца.

— Чем я еще могу тебе помочь, доченька? — ласково улыбается Унгуц, следя за моими гримасами.

— Наверное, пока ничем. Попробую поговорить с Киром, если он явится к ужину, конечно. Спасибо вам, Старейшина, — с душой добавляю я. — Никогда больше не пренебрегу вашим советом.

— Да-а, — отмахивается Унгуц. — Ничего я тебе особенного не присоветовал. Азамат мог бы все то же сказать, если бы свое детство вспомнил. Я ведь по нему сужу. Он хоть и не безродный, но у Аравата под палкой привык чувствовать себя виноватым во всех невзгодах. Ладно, иди, перебирай свою крупу, авось какая каша сварится...

Азамат на кухне за пиалой с перченым чаем ковыряет упражнение на первое лицо глаголов.

— Какой-то у тебя странный язык, — говорит. — По законам все складывается, а в словаре написано, что так не бывает...

— Что, например?

— Да вот, тут слова-исключения. Как это может быть, что нельзя сказать «я победу»? Что это за пессимизм такой?

Я начинаю смеяться.

— Надо просто как-нибудь в обход сказать, типа «одержу победу».

Азамат пожимает плечами.

— Или вот еще. «Сосать» — «сосу», так почему не «пылесосу», а «пылесосу»?

— Потому что не «пылесосать», а «пылесосить», — хохочу я.

— Странный язык. — Азамат качает головой, глядя, как я угораю. — Но я рад, что тебя повеселил.

— Где тут у тебя завтрак? Или обед... Я готова к принятию пищи, — говорю, отдышавшись.

— На плите суп-пюре... только в большой кастрюле, а в маленькой — это обед Алэка остывает. — Азамат вдруг как-то мрачнеет и добавляет: — Кир отказался помогать его варить.

Я поджимаю губы. В принципе логично, если он добивается, чтобы мы его вытурили.

— Я говорила с Унгуцем, — сообщаю. Азамат смотрит на меня с надеждой. — Он кое-чего предположил. Все-таки Кир не думает о тебе так, как сказал. Он просто хотел тебя позлить.

Азамат склоняет голову и не отвечает.

— Послушай, — продолжаю. — Расскажи-ка мне поподробнее, из-за чего у вас вчера начался скандал?

— Да на пустом месте, говорю же. — Азамат нехотя отрывается от экрана. — Он плелся за мной еле-еле, я его раз подогнал, два подогнал, а он все сзади тащится. Я сбавил скорость, чтобы с ним поравняться, так он еще сбавил. Я говорю, у меня нет столько времени, чтобы с твоей скоростью ползти до Желтых Камней, а он развернулся — и назад галопом.

Задумчиво киваю. Очень похоже на то, что говорил Унгуц. Азамат снова утыкается в свои упражнения.

Я ем в тишине, потом подкармливаю Алэка молочком. Режим летит к чертям. Муж напряженно долбит по клавишам, заполняя пропуски в предложениях. Мне больно на него

смотреть. Не знаю, как высижу до тех пор, пока удастся поговорить с Киром.

— Пойду прогуляюсь, — говорю.

Азамат кивает, хотя я не уверена, что он меня услышал.

Я надвигаю высокие меховые сапоги, вставляюсь в короткую шубу и выхожу. На улице свежо, небо подернуто очень тонкой дымкой облаков, даже солнышко просвечивает. Ветра почти нет. Для прогулки хорошая погода. Я обхожу вокруг дома, проверяю, не выглядывают ли мамины растения из-под снега — кто-то из сыновей сторожа должен был их укрыть. Некоторое время торчу на берегу, любясь Долом, прекрасным во все времена года. Потом разворачиваюсь и топаю по самой широкой тропинке просто потому, что она самая широкая. От нашего дома есть три тропы — на запад по берегу, на северо-восток в лес и на север к стоянке унгуцев, а оттуда в степь. Вот в ту степь я и ползу без особых идей.

Стойла, построенные в углу стоянки еще до войны, открыты, лошадей в них нет. Оглядевшись, замечаю двоих серых слева, под крутым склоном. Они щиплют сухую траву, торчащую между камней. Видимо, их выпустили погулять. На горизонте в степи маячит третий, кажется, со всадником. Вот, значит, где Кир гуляет, когда возвращается домой в ночи. А ну-ка...

Я спускаюсь по склону туда, где топчутся серые кони. Один стоит довольно близко, и я его подзываю. В упор не помню, как подзывать мударжских лошадей, да и имен этих скотов я не уловила, поэтому обхожусь универсальным:

— Пс-ст!

Как ни странно, конь поднимает голову и подходит поближе. Склон достаточно крутой, чтобы я смогла залезть на спину лошади сверху, хотя, конечно, корячилась долго. Хорошо хоть вышла в штанах. Однако серая громадина вытерпела мои издевательства без возражений, и я все-таки уселась верхом. Только теперь вспомнила, что управлять лошадьёю мне нечем. Мужики как-то их по шее хлопают... Ох, нашла я опять приключений на свой главный мыслительный орган!

— Давай-ка потихонечку во-он туда, за Киром, — негромко предлагаю я коню. Помню, что, если кричать, они ускоряются. — Только медленно, понимаешь, ме-е-едленно.

Конь некоторое время стоит в задумчивости, но я не помню, каким словом его запустить, так чтобы не сразу в галоп. Наконец он трогает шагом в нужном направлении, и я облегченно выдыхаю. Растопырываю пятки, чтобы не дай бог не пришпорить это исполинское существо. Мне за его ушами цели-то не видно.

Однако конь подвозит меня ровнехонько к Киру. Не знаю, понял ли он мою просьбу или просто пошел к человеку, который может объяснить доступно, что мне нужно от бедного копытного. Кир смотаться не пытается: сидит верхом, повернувшись ко мне боком, и смотрит выжидательно.

— Привет, — говорю осторожно.

— Здравствуйте, — еще осторожнее отвечает Кир.

А вот бы я еще знала, как продолжить этот разговор. Ладно, попробуем в лоб.

— Кир, послушай. Если ты добиваешься, чтобы мы вернули тебя в приют, то зря. Мы никогда этого не сделаем.

Он сдвигает брови.

— Почему?

— Потому что за каждым нашим чихом следит вся планета. Все знают о тебе. Ты существуешь для огромного количества людей. Ты не можешь просто исчезнуть, как будто

тебя никогда не было.

— А если я не хочу с вами жить?

— Почему не хочешь?

Кир отворачивается и молчит.

— Нет уж, дорогой. — Я складываю руки на груди. — Если ты хочешь каких-то изменений, будь добр, объяснись.

Ребенок пару раз глубоко вздыхает и наконец выдает:

— Вы мне не нравитесь. Мне было лучше в приюте.

Он настолько откровенно врет, что мне даже становится его немножко жалко. Наверное, ему было очень трудно это сказать.

— Чушь, — отмахиваюсь, и его лицо вытягивается. — Если ты хочешь заслужить расположение отца, никогда не ври.

— Я не хочу! Мне не нужно его расположение!

— Еще как нужно, — возражаю я. — Ты просто отчаялся его получить. А зря. Азамата очень легко обрадовать. Но обидеть — еще легче.

— Да он вообще сумасшедший! — выкрикивает Кир так истерично, что его конь делает пару шагов назад и прядает ушами. — Вы слышали, что он сказал?! Он хочет все бросить и улететь отсюда из-за меня! Я его позорю! Почему он не может просто меня отослать?!

— Кир, успокойся. У меня от твоих воплей лошадь нервничает. Азамат просто хочет, чтобы тебе было хорошо. Нормальные отцы обычно этого хотят. Он не понимает, почему ты не хочешь с ним общаться. Пойди и объясни ему все, попробуй договориться.

Кир опускает глаза и закусывает губу.

— Он что, сам не понимает, что я ему не нужен?

— Ты ему очень нужен, — вздыхаю. — А вот быть Императором он никогда не хотел. Люди решили за него, и он не смог отказаться. Ему это тяжело дается, он так же, как и ты, боится всех разочаровать. Ему гораздо интереснее с тобой кататься на лошадях, чем сидеть во дворце и составлять документы. Не усложняй ему жизнь, Кир, пожалуйста.

— Да это он все усложняет! Что во мне такого интересного? Давно бы уже забыл про меня и горя не знал.

— Он не может про тебя забыть. Я же говорю, ты уже существуешь. Для него и для всех. Все, пути назад нет, ты не можешь стать опять неизвестным и никому не нужным. Ты не можешь все бросить и начать заново. У тебя нет другого выбора, кроме как помириться с отцом. Ты все равно останешься с нами, как бы ты ни ругался и ни выпендривался. Ты только причинишь ему боль, как вчера, но это *все равно* ничего не изменит. Так что перестань создавать всем проблемы, извинись перед ним и смирись с мыслью, что он *хочет* тратить на тебя время.

— А вы не можете... — Кир сглатывает, — убедить его меня выставить?

Я раздраженно вздыхаю.

— Максимум, что я могу тебе предложить, — это отправить тебя учиться на Землю, к моей маме. Может быть, на это он согласится. Но для того чтобы туда поехать, тебе все равно придется сначала выучить два языка, законы, обучиться водить и еще куче всего.

Кир таращится на меня огромными глазами.

— Вы думаете, я могу *полететь на Землю*?

— Если помиришься с отцом и сдашь экзамены, то да, — решаю я.

— И ваша... ваша мама разрешит мне там жить?

— Да, она что угодно разрешит, — пожимаю плечами. — Вот уж кто не будет тебя донимать своей назойливой заботой.

Кир переводит дух, потом сужает глаза и косится в мою сторону.

— Вы на меня больше не сердитесь?

— Сержусь, — киваю. — Ты меня вчера очень, очень разозлил. Меня уже почти год никто так не злил.

— Тогда почему вы сюда пришли? — хмурится Кир.

— Потому что я, в отличие от тебя, знаю, что, если сидеть в углу и злиться, ничего не изменится. И пока ты не извинишься, я не хочу с тобой иметь никакого дела.

Кир набирает побольше воздуха и выдыхает:

— Простите, пожалуйста, я больше так никогда не сделаю!

— Да не передо мной, идиотина, — качаю головой. — Перед отцом извинись. Ты *его* обидел. Ты знаешь, сколько сил я потратила, чтобы убедить его не стесняться своей внешности? Сколько долгих-долгих разговоров, интриг и скандалов мне пришлось устроить, чтобы Азамат перестал считать себя хуже других. А ты вчера все это уничтожил одним словом! Так что иди теперь и объясняй отцу, что ты просто хотел его позлить.

Кир слушает меня, пожевывая губу, потом обреченно кивает и направляет лошадь к стойлам. Моя, к счастью, идет следом.

На полпути нас накрывает большая тень. Задираем головы и видим, что на стоянку метит приземлиться какой-то незнакомый унгуц. Переглядываемся и прибавляем ходу. Лошади нервничают. Пока мы огибаем крутой склон и взбираемся по кривой тропинке, унгуц как раз садится, и из него вытряхивается Арон. О боже. Он ведь собирался прилететь, чтобы пойти на охоту. Я прямо чувствую, как у меня вытягивается лицо.

— Хотон-хо-о-он! — радостно приветствует меня деверь. — Никак встречаете?

— Честно говоря, мы тут просто гуляли... с Киrom. Я даже не знала, что ты сегодня прилетишь...

— Как же! — Арон разводит руками. — Мы с Азаматом ведь договаривались. Он, что ли, забыл вам сказать?

Пожимаю плечами:

— Может, и говорил, да я забыла.

— Ну ничего страшного! — радостно отмахивается Арон. — Я пилота отпущу, как вы думаете? Вернемся-то вместе, наверное?

Я мысленно кривлюсь, представив себе отпуск в одном доме с Ароном, ну да ладно, если сильно достанет, вызовем ему из столицы другого пилота, а то еще этого придется куда-то девать.

— Да, отпускаяй, конечно, — мило улыбаюсь я. — Что же ты собственным унгуцем до сих пор не обзавелся?

Арон при помощи незнакомому мне пилота вытаскивает из багажника несколько огромных сумок с вещами. Не иначе зимовать тут собирается.

— Ой, да не люблю я все эти машины с кнопками, того гляди сломаются.

Я дергаю Кира за рукав.

— Видишь, как твой отец своего брата разбаловал? — шепчу. — И тебя так же разбалует, потому что не может сказать «нет».

— Я не боюсь кнопочек, — ворчливо шепчет Кир.

— Зато ты боишься не оправдать его надежд.

Кир прожигает меня взглядом.

— Что? — оборачивается Арон.

— Я говорю, куда ты наволок столько одежды? — повышаю голос. — У нас тут и пойти-то в ней некуда.

— Ой, да я не глядя все свалил, не на себе же тащить. Кир, сынок, помоги, а то рук не хватает.

Кир от такого обращения вздыбливает шерсть на загривке, но послушно шагает вперед, подхватить последнюю сумку. Я его останавливаю.

— Вон лошадь возьми и навьючь, на нее все сразу влезет.

— Ой, точно, — спохватывается Арон и принимается довольно бестолково вешать мешки на спину второго серого коня, который смотрит на него как на назойливое насекомое.

Кир не выдерживает и все-таки идет помогать, а потом загоняет наших коней в стойло и закрывает. Я тем временем оставляю орнаментальный автограф на лобовом стекле унгуца, выслушивая медовые речи пилота, которому внезапно подвернулась счастливая возможность посмотреть на меня вблизи. Наконец можно идти домой.

Арон всю недлинную дорогу весело треплется о том, как замечательно выздоровела его дочка, хотя жена по-прежнему боится к ней подходить, о динамике цен на овец и дифжир, о погоде и поставках фруктов с юга. Я киваю и рассеянно поддакиваю. Как же он не вовремя...

Азамат удивленно привстает из-за стола.

— Арон? Ты уже приехал? А я думал, ты только в первое новолуние соберешься.

— Так ведь уже первое новолуние! — радостно улыбается Арон.

Азамат хмурится и прижимает какую-то кнопку на часах.

— Нет, до него еще два дня.

— Да? — поражается Арон. — Ого, значит, я обсчитался? Вот это да! Ну это же ничего страшного, правда?

— Конечно, — улыбается Азамат. — Я всегда рад тебя видеть. Кира ты знаешь, так ведь?

— Да, да. — Арон рассеянно оборачивается к Киру. — Мы встречались.

— Замечательно. Ничего, если мы тебя положим на третьем этаже? Там мебели нет, зато просторно.

— А, я помню. Конечно, у меня даже собственные дифжир с собой, тебе вообще не о чем беспокоиться. У тебя тут подъемник был, кажется...

Азамат напоминает брату, как пользоваться лифтом, и провожает его наверх со всеми сумками. Я только головой качаю. По-моему, на охоту с ним ходить небезопасно. Кир хмыкает, моет руки и принимается выгружать из посудомоечной машины чистые тарелки. Мне кажется, он начинает привыкать к чистоте, или ему просто нравится возможность пользоваться водой когда угодно и в любых количествах.

Однако Азамат, кажется, действительно рад приезду брата. Он оживляется, убирает со стола бук, спрашивает о здоровье племянницы. Арон говорит без умолку, но Азамат с удовольствием слушает. Кир присаживается в углу комнаты и делает вид, что ковыряется в телефоне, но то и дело поглядывает на отца и дядю. Я играю с Алэком в манеже.

Азамат принимается готовить ужин под басни Арона о потрясающей похлебке, что тот умеет варить из какой-то дикой птицы.

— Я их о прошлом годе подстрелил десять штук, представляешь? Десять! — обильно жестикулируя, рассказывает он. — Столько сразу ни за что не съесть, а замораживать жалко, они от этого портятся. Ну я уж и нажарил, и навялил, и засолил, руки уже отвалились мясо

это разделявать. Пришлось из последней суп сварить. И ты знаешь, так здорово получилось! С тех пор только так их и готовлю. Даже Воробей хвалил, представляешь? Он в гости как раз зашел тогда.

— А кто это, Воробей? — уточняет Азамат.

— Ты что, не знаешь Воробья? Это ж брат Старейшины Асундула, знаменитый охотник!

Мы с ним еще три года тому на медведя ходили, во-от это было дело...

К тому моменту как ужин готов, меня уже мутит от бесконечных охотничьих рассказов про то, кто при каких обстоятельствах обделался со страху, какого лесного зверя как потрошат и кто нажрался медвежатины до отрыжки. Кир, однако, слушает раскрыв рот.

— Лиза, садись. — Азамат выдвигает мне стул у стола.

— Знаешь, я что-то не хочу. Я же недавно обедала.

Азамат сразу так расстраивается, что мне даже неуютно становится. Видно, он еле держится в приветливом настроении.

— Я чуть-чуть попозже присоединюсь, — обещаю. — Вот Алэка покормлю...

Стребаю мелкого, который, впрочем, пока есть не просит, и ухожу подальше от застольного разговора.

Когда Алэк засыпает, я решаю, что достаточно проветрилась, чтобы пойти попить чаю, и двигаюсь к лифту, где налетаю на выскочившего с лестницы Кира, который светится как парадный диль.

— Отец возьмет меня на охоту! — выпаливает он, едва завидев меня.

— Это очень интересно, — говорю. — А ты извинился?

— Нет, — тушует Кир. — Ну, не буду же я при Арон-хоне...

— Кир, мне неинтересно, когда, где и в чьем присутствии ты будешь извиняться. Но пока ты не поговоришь с отцом, никакой охоты.

— Но отец уже сказал, что берет меня! — возражает парень.

— Он-то, может, и берет, а вот я не отпускаю.

И решительно иду вниз. Кир плетется следом, поникший. Но меня печальными глазками не проймешь. Азамату намного хуже, настолько, что он даже не подумал этого оболтуса наказать. Я строевым шагом врываюсь в кухню. Там густой запах жирной, перченой еды, мужики сидят потягивают хримгу. Вообще атас. Азамат пьет только по праздникам.

— Дорогой, можно тебя на пару слов? — говорю негромко, но убедительно.

— Да, конечно, — рассеянно кивает он и с трудом встает из-за стола.

Мы выходим в коридор, где топчется унылый Кир.

— Во-первых, ты чего напиваешься? — спрашиваю.

Он пожимает плечами.

— Да так... Арон привез домашнюю хримгу, почему бы не выпить? Я с ним не так часто вижу, тем более ужинаю.

— Понятно... Ладно, вот что. С какой стати ты берешь Кира на охоту?

— Так давно же собирались...

— Да, и что, по-твоему, он заслужил?

— Ну ладно тебе, Лиза. — Азамат отмахивается. — Мы же все обсудили вчера. Я сам виноват. Ну что тебе, жалко, что ребенок погуляет немного?

— Я считаю, что после вчерашнего он не имеет права на развлечения.

— Ты очень строгая, — пьяно вздыхает Азамат. — Тебе-то он ничего не сделал, а я не сержусь.

— Я заметила, — цежу. — И меня это сильно печалит. Может быть, ты хотя бы поговоришь с ним сейчас? У него есть что тебе сказать.

— Зна-аю я все, что он мне может сказать, — тянет Азамат. — И слушать этого не хочу. Лиза, мне уже все равно, хочет на охоту — пускай идет, может, не так сильно будет меня ненавидеть.

— Азамат! — ахаю я, но он уже идет обратно в кухню. — Постой, мы не закончили! Ты рехнулся совсем, что ли? Я так ни одного из вас никуда не отпущу!

— Лиза-хон, что за шум? — пьяно скалится Арон из-за стола. — Присоединяйтесь!

— Азамат, это никуда не годится! — продолжаю я, игнорируя Арона. — Ты не можешь вот так ему все позволять, просто чтобы ему понравиться. Хорошо, пусть будет другое наказание, но нельзя оставить все как есть!

— А, так юный князь провинился? — доходит до Арона. — Так всыпь ему ремнем, как отец, бывало, и дело с концом.

Азамат вскидывается.

— Я *никогда* не буду бить своих детей! — рыкает он так неожиданно и громко, что мы все приседаем.

— Почему? — удивленно спрашивает Арон. — Это очень здорово помогает.

— Потому! — продолжает Азамат тем же грохочущим голосом. — Тебя отец бил, может, раз в год. А меня несколько раз в месяц! Я знаю, каково это!

— Ох ты ж, — бормочет Арон, сползая немного по спинке стула. — Нет, ну дело твое, конечно... А что он натворил-то?

— Да ничего особенного, — буркает Азамат. — Наговорил мне гадостей, повысил голос. Забудь. Все в силе.

— Не-е-е, — внезапно возмущенно протягивает Арон и стучит кулаком по краю стола, с трудом попадая. — Ты что, брат! Если б мой мне нахамил, он бы еще неделю сидеть не смог! Нетушки, такого засранца на охоту брать нельзя. Ты что, Азамат, совсем парня распустил. Я с ним вместе не пойду. Пускай сначала заслужит. А то ишь, глаза горят, пострелять охота! Никакой охоты!

Я даже не знаю, радоваться или нет, что Арон подключился к разговору. С одной стороны, он прав, и Азамату полезно напоминание, кто в доме хозяин. С другой, эти варварские представления... неудивительно, что сын Арона такой странный, если отец его регулярно избивает.

Азамат некоторое время мечется и хмурится, но в конце концов сдается.

— Ладно, все отменяется. Кир, иди спать. Немедленно.

Ребенок одаривает меня хмурым взглядом и уходит, не сказав ни слова.

— Азамат, я тебя очень прошу, поговори с ним, — напоминаю я.

— Завтра поговорю, — буркает Азамат. — Сейчас я слишком пьяный.

Я тяжело вздыхаю и иду к себе в кабинет за таблетками от похмелья. Вот уж не думала, что их надо держать в кухонной аптечке.

Спать Азамат ложится с краю кровати и отвернувшись от меня. Бормочет что-то про то, что я не люблю запах хримги, и засыпает. Мне ничего не остается, как последовать его примеру.

Меня будит радионяня. Спросонок оглядевшись и поняв, что Азамата рядом нет, я

нашариваю тапки и несусь в детскую. Все хорошо, малыш проснулся и требует завтрак и чистый подгузник. Однако муж меня разбаловал, я как-то привыкла, что по утрам деточку обслуживает кто-то еще.

Когда я спускаюсь вниз и обнаруживаю, что на кухне даже не пахнет завтраком, у меня закрадываются неприятные подозрения. Азамат не обнаруживается ни в одной из комнат, и Кира тоже нет. На третьем этаже под восемью одеялами мирно дрыхнет Арон. Ну хоть этот никуда не делся. Снова спускаюсь вниз, накидываю куртку поверх себя и мелко и тащусь на стоянку. Стойла закрыты, но в них только одна серая лошадь. Значит, поехали кататься. Ладно, может, поговорят. Возвращаюсь в дом и на всякий случай проверяю чулан — и высказываюсь, как Алэку лучше бы не слышать. Двух ружей нет, не считая того, что Кир утопил. Значит, Азамат, вместо того чтобы не брать Кира, решил не брать Арона. Отлично. Боже, лишь бы вернулись целыми. А то один психанет, другой распереживается... Ну, муженек, ну я тебе устрою...

Арон спит долго и спускается совершенно разбитый.

— Ох, ну я вчера и напился... — стонет он. — Хотон-хон, у вас ничего нет от головы?

Меня подмывает ему мстительно отказать за то, что мужа опоил, но выслушивать его стенания тоже не очень хочется, да еще, не дай бог, испачкает мне пробковый пол...

— На, проглоти, запей водой.

После таблетки Арон быстро приходит в себя и начинает озираться.

— А где Азамат?

— Пошел на охоту с Киром, — невозмутимо сообщаю я.

— Вот те раз! — восклицает Арон. — Ну он дает. Вчера же договорились! А, вечно под ним гвоздь в подушке. Ну ладно, давайте я хоть завтрак сделаю...

Пока Арон готовит, я берусь за начатый гобелен. Не вязать же шарф Киру, когда он так себя ведет! От гобелена у меня сделана треть — лента узора по краю, кусочек пейзажа и ноги. Весь день я маньячно строчу ряды, иногда прерываясь на попытки позвонить Азамату. Но он вне покрытия, а над ухом непрерывно зудит Арон — что-то рассказывает о своих детях, о детстве Азамата, о том, за что ему влетало и как именно, как страшно сердился отец... Судя по этим воспоминаниям, Ийзих-хон была права. Аравата и правда больше всего бесило, что Азамат не честолобив.

Байч-Харахи возвращаются затемно. Я слышу ржание, беру сковородку поувесистее и встаю сбоку от входной двери. Увы, реакция у Азамата хорошая, и он ловит сковородку в воздухе, войдя первым.

— Он извинился! — быстро и весело говорит муж.

— Да ну! — поражаюсь я.

— Да-да, — часто кивает Азамат, и по тому, как светится в темноте прихожей его физиономия, я понимаю, что так и есть. — Мы все очень подробно обсудили.

Кир топчется в дверях, тайком улыбаясь.

Я прищуриваюсь.

— Что, прямо утром встал и извинился?

— Лиза, ну что ты придираешься! — Азамат закатывает глаза. — Я тебе сообщаю факт: он извинился. И мы хорошо провели время. Тебе так принципиально, в какой последовательности?

Я вздыхаю:

— Ты не исправим. Чего наохотили-то?

— У-у... Всего-всего. Куропаток, фазанов, кроликов. — Он потрясает большим мешком, к счастью, непромокаемым. — А у Кира вон степная антилопа.

Я только теперь замечаю, что у Кира через плечо перекинута какая-то палка. При ближайшем рассмотрении это оказываются задние ноги с копытами.

— О боже, — отшатываюсь. — Ясно, я лучше на кухню не пойду.

— Сковородочку отдай. — Азамат тянет за ручку. — Нам пригодится.

И весело подмигивает, отчаливая в направлении кухни.

Кир скалится, как сытая акула, поудобнее пристраивает на плече жилистые ноги зверя и аккуратно ставит ружья в чулан.

— До чего вы с отцом договорились? — спрашиваю.

— Ну, сначала я честно думал, он меня пристрелит, — сознается Кир. — Такой мрачный был и все ружьем клацал. Я даже заговорить с ним боялся. Но потом как дичь пошла, как-то отмяк... В общем, я ему объяснил, что просто хотел его позлить, потому что меня бесит, что он из-за меня забивает на работу и ссорится с людьми. Он та-ак обрадовался! — Кир широко раскрывает глаза. — И стал мне объяснять, что так и должно быть, и все такое. В общем, мы поторговались, что я до двенадцати лет терплю его, э-э, как он это назвал, заботу, а потом, как вы предложили, поеду учиться на Землю. Он разрешил! Конечно, мне кучу всего надо выучить, но он сказал, что я успею, даже если буду заниматься всего час в день, представляете? Мне кажется, я этот всеобщий язык никогда не запомню, но он обещал помочь и сказал, что у меня хорошая память. И еще! — Кир понижает голос, но глаза у него горят ватт на сто: — Он сказал, что сделает мне лук к соревнованиям на Белый День!

Я только головой качаю. Не ругать же их теперь, когда они наконец-то расхлебали эту бодягу. Помирились — и слава богу. Хотя бы и тому, которому я гобелен плету. Учок, или как его там...

— Кир! — Азамат высовывается из-за двери кухни. — Ну где ты застрял, иди, Арон хочет посмотреть на твою добычу!

— Иду-иду! — И Кир радостно уносится вслед за Азаматом — хвастаться достижениями.

На следующий день я просыпаюсь раньше обычного и спускаюсь вниз, где Азамат с Киром продолжают заготавливать настрелянную вчера дичь.

— Здравствуйте! — радостно приветствует меня Кир, отрываясь от разделки степной антилопы.

Я не сразу понимаю, что в нем изменилось со вчера. Потом доходит: волосы обкорнал.

— Ой! — говорю я, имея в виду, что жалко красивые волосы. Потом вспоминаю смысл этого действия и уже с другой интонацией повторяю: — Ой.

Кир хихикает и встряхивает косматой головой. Обстригся он не под ноль, а где-то до середины уха, криво — видно, что сам, — и теперь эти патлы под разными углами торчат во все стороны.

— Доброе утро. — Азамат выходит из гостиной и целует меня в затылок. Светится он, как лазерный прожектор. Еще бы — сын признал!

— Как у вас тут интересно, — наконец нахожу слова я. — Кир, когда закончишь в мясе возиться, давай я тебя подровняю, что ли...

— А вы умеете стричь? — удивляется ребенок.

— Ну так...

— Да ладно, Лиза. — Азамат ставит на стол рядом с Киром пустую кастрюлю, с которой вошел. — Доедем до столицы, там придворный цирюльник подровняет. И вообще, по-моему, ему так идет. — Муж с удовольствием рассматривает Кира, склонив голову набок. — Можно будет особо выступающие перья покрасить, получится живописно.

Кир пожимает плечами и сваливает длинные куски мяса в кастрюлю.

— А что это вы делаете? — спрашиваю.

— Сушим мясо, — поясняет Азамат. — Кир, видишь, разделяет, а я развешиваю на третьем этаже. Завтрак ждет тебя в микроволновке.

В гостиной посреди манежика сидит задумчивый Алэк и лепит какую-то безумную конструкцию из мягкого конструктора.

Пока я ем, Кир несколько раз оглядывается на меня, как будто хочет что-то спросить, но не решается. Наконец осторожно говорит:

— Лиза-хон?

— М? — откликаюсь я с полным ртом.

— А мы... сегодня посмотрим кино с подписями?

— М-гм, — киваю я. Потом проглатываю. — Кстати, ты можешь звать меня просто Лиза.

Кир состраивает задумчивую рожицу:

— Попробую...

Последним ото сна восстает Арон, разбуженный запахом мяса над головой, и сразу начинает жаловаться:

— Вот, вы-то вчера настреляли, теперь полмесяца с этим возиться будете, а я как же? Нарочно ведь приехал из столицы, дела побросал, жену, больного ребенка...

— А кто ж тебя неволил? — интересуется Азамат. — Сам приехал на два дня раньше, терпи. Кир, погрей ему жаркое, я тут закончу.

— Ну хоть завтра-то пойдём? — занудствует Арон.

— Завтра, может, пойдём, — пожимает плечами Азамат. — Смотря какая погода будет.

— Только давай в лес, а не в поле, — оживает Арон.

Азамат кривится.

— Чтобы идти в лес, надо спрашивать разрешения у хозяина, а он, кажется, на меня обиделся. Да и вообще, ты-то в степи не был с нами, так почему не хочешь?

— Я привык по лесу работать, — деловито заявляет Арон.

Кир подносит ему дымящуюся тарелку и неприязненно морщит нос. Не забыл Ароновы воспитательные методы.

— Может, вам на рыбалку сходить, пока Дол не замерз? — предлагаю.

— Можно, — соглашается Азамат. — Только я бы мать позвал, она это дело жуть как любит. Да и с Киrom ей познакомиться пора бы.

— Да, я ее давно уже не видел, — задумчиво произносит Арон с такой интонацией, как будто это матушка виновата, что не появляется в его жизни.

Азамат приподнимает брови, но молчит.

Кир сгружает в посудомойку грязные кастрюли, потом тщательно моет руки.

— У меня все!

Я добавляю к кастрюлям свою тарелку и в тон ему сообщаю:

— У меня тоже!

— Отлично. — Азамат обмазывает последний кусок какими-то специями и кладет его к остальным. — Сейчас я это повешу, и можно будет заняться чем поинтереснее.

Кир вперед меня бежит в гостиную и лезет в ларь с нитками, где лежит еще недорасплетенная кудель. Открыв ларь, он замирает.

— Лиза-х... то есть, Лиза! Ваш кот снова сюда залез!

— Что, опять все размотали?! — ужасаюсь я, подбегая.

— Нет...

Клубки и мотки лежат в ларе в неприкосновенности, вот только один из клубков — черный, мохнатый и дышит. Наши вопли его потревожили, и он поднимает голову и зевает во всю огромную розовую пасть.

Кир смеется, я тяжело вздыхаю.

— Его надо было назвать не Электрон, а Нейтрино. За всепроницаемость.

— Хотите, я вам на ларь замок сделаю? — предлагает ребенок.

— Было бы неплохо, — киваю, выковыривая кота из пряжи.

Когда Азамат возвращается с террасы, Кир просит у него пару чурбачков.

— А пойдём в сарай, — предлагает муж. — Мне там тоже кое-что нужно.

Возвращаются они с кучей инструментов и деревяшек, и Азамат застилает всю комнату пленкой, чтобы не намусорить. Я беру вязанье и запускаю бук, готовясь провести день за тихими играми.

— Надо строить теплую мастерскую, — говорит. — А то теперь уже на травке не посидишь.

— А что это ты такое делать собрался? — хмурится Арон.

Азамат кивает на Кира:

— Лук. Я же обещал вчера.

Кир улыбается до ушей, а Арон сильно удивляется:

— Так до Белого Дня еще как до солнца!

— Все равно, зачем откладывать? — рассудительно отвечает Азамат, вертя в руках дрын,

из которого предполагается делать лук. — Я как раз подходящий материал припас летом, и время есть. Да и Киру не повредит пристреляться из этого лука, прежде чем на поле выходить.

Кир подсаживается ко мне, я запускаю кино и берусь за спицы. Азамат с Киром берутся за ножи. Алэк в своем манежике внимательно следит за взрослыми, как будто хочет научиться.

— А я что буду делать? — беспомощно спрашивает Арон.

— Можешь поразматывать нитки, — предлагаю.

— Или погулять с куницей, — подхватывает Азамат.

— Или с Филином, — вставляет Кир.

— Или с Алэком... — заканчиваю я.

Арон тяжело вздыхает и берется за нитки. Официально объявляю день рукоделия.

— А у тебя неплохо получается, — замечает Азамат Киру, глядя, как тот вытачивает детали замка.

— Так мягкое дерево, — пожимает плечами ребенок, пряча улыбку. — Это что, я еще по кости резать умею!

— Ого! — оценивает Азамат. — Я в твоём возрасте не умел. Покажешь потом.

— Обязательно. — Кир приосанивается и продолжает свою пилежку, время от времени прерываясь на то, чтобы посмотреть в экран.

Через пару серий, когда шарф становится длиннее Кира, я закрепляю нитки. Шарфик получился приятный, с косичками вдоль краев, зелено-золотистый — должен подойти и к Кировой кошмарной куртке, и к дубленке.

— Кир, держи, — говорю, оборачивая шарф пару раз вокруг ребенка.

— Ой! Что это?

— Это... — Я бы еще знала, как по-ихнему шарф... — Ну, на шею наматывать, чтобы тепло было.

— А, платок! — оживляется ребенок. — Это мне?

— Тебе, тебе, — хлопаю его по плечу. — Носи на здоровье.

— Спасибо! У меня сегодня прямо день подарков! — скалится Кир и заворачивается в шарф поплотнее.

— Смотри в доме-то не запарься, тут ведь жарко, — замечаю.

Кир пожимает плечами:

— Сладкого и теплого много не бывает.

Мы с Азаматом тоскливо переглядываемся.

— Старейшины приняли закон, — говорит Азамат, — о финансировании и надзоре за приютами. Теперь работа приютчиков и проживание детей оплачивается из бюджета, а заместники из ближайших городов или их подчиненные будут периодически навещать приюты с неожиданными проверками. С учителями пока хуже, но я надеюсь, что к лету удастся подобрать хотя бы по одному учителю на приют.

— Что, неужто не хватает грамотных безработных? — удивляюсь я.

— Ну, тут большой вопрос, кого на Муданге можно считать безработным, — пожимает плечами Азамат. — Вот охотники или фермеры, например, официально безработные. Если они мясо продают — платят налог с продажи, а если только сами пользуются, то вообще ничего не оформляют.

— Нет, ну а, скажем, молодые, кто еще не придумал, чем в жизни заняться?

— Эти не пойдут, — печально улыбается Азамат. — Очень уж непрестижная работа.

— Да ладно, чего такого, детей учить? — развожу руками. — Клуб вести престижно, а это — нет?

Азамат морщится:

— Давай я тебе потом объясню.

— Как будто я не знаю, в чем дело, — встречается Кир. — Если безродного грамоте научить, то уже не отличишь, безродный он или какой. Вот и выходит, что учитель — предатель, всякую шваль за честных людей выдает.

— Не выражайся, — хмурится Арон.

У меня уходит несколько секунд на то, чтобы справиться с шоком от объяснений Кира, поэтому Арон не получает немедленно буком по башке. Когда я восстанавливаю когнитивные способности, Азамат уже берет инициативу на себя.

— Братик, — говорит он ласково. — Милый, давай я сам буду воспитывать своего сына, хорошо?

— Нет, ну а чего он?.. — запальчиво начинает Арон.

— Я к твоим детям не лезу, так ведь? — несколько более угрожающим тоном продолжает Азамат.

— По-моему, ты на чужбине озлобился, — надувается Арон.

Кир тайком ухмыляется.

Разговор заходит в тупик, и я начинаю скрести голову над дилеммой: поставить еще серию, приготовить ужин или пойти пройтись.

— Оте-ец, — тихо прерывает Кир мои тяжкие раздумья.

— Ау?

— А ты будешь ездить на выезды в приюты?

Когда он успел переключиться обратно на «ты»? Видимо, на охоте.

— Не знаю, может быть, — пожимает плечами Азамат. — Я об этом еще не думал. А что?

— Ну просто... — Кир ерзает на месте. — Я подумал... если ты поедешь в мой приют... Точнее, который был, ну, в котором я жил...

— Та-ак, так, — подбадривает его Азамат, а то ребенок совсем запутался.

— В общем, можно я с тобой?

— Обратно захотел? — со смешком выпаливает Арон.

— Арон!!! — гремит Азамат так, что дом подскакивает.

Алэк отзывается тоже угрожающе, и я беру его на руки.

Кир вжимает голову в плечи:

— Да нет, это я так, не важно, забудь...

Азамат показывает Арону большой мозолистый кулак. Тот обиженно поджимает губы и отворачивается.

— У тебя друзья в приюте остались, да? — спрашиваю Кира.

— Вроде того, — бормочет он себе под нос, ни на кого не глядя.

— Конечно, ты ведь там долго жил, это совершенно естественно, — заверяю я, стараясь не пережать. — Мне даже странно, что ты до сих пор о них не упоминал.

— Ну там не совсем друзья... — чуть погромче отвечает Кир. — Остальные вообще меня не очень любили. Но так, хочется на них взглянуть сейчас.

— Хорошо, — соглашается Азамат. — Только смотри не дразнись, тебе и так все будут

завидовать.

— Да это понятно, — отмахивается Кир.

Алэк ползает по мне, хватая за волосы и всячески испытывает мое терпение.

— Пойдемте выгуляем детей и зверей, — прошу я.

— Может, лесные тропы разведем? — с надеждой спрашивает Арон.

— Кир уже разведал, — отрезает Азамат.

— Ну тогда я не пойду, какой толк в снегу топтаться?

— Вот ты и приготовишь ужин, — ухмыляется Азамат. — Лиза, давай сюда маленького, тебе же одеться надо...

Мы выходим в чудесный зимний вечер. Официально еще осень, но день коротехонький, а за ним тянутся хвостом длиннющие сумерки. Синий снег искрится в свете первой луны, Дол за выступом скалы кажется совершенно белым, хотя льдом еще не покрылся. Филин с куницей играют в догонялки, равномерно покрываясь снежными катышами, впрочем, на Филине это не очень заметно.

— А почему тебя не любили в приюте? — спрашивает Азамат внезапно.

Кир пожимает одним плечом:

— Да так... Я ж не мингь, чтобы всем нравиться.

— Ну хоть расскажи что-нибудь о своей жизни, — просит Азамат.

Кир снова перекашивается.

— Зачем? Вы мне о своей ничего не рассказываете.

— Давай историю за историю? — предлагаю я.

— Ну можно. — Кир пожимает другим плечом.

— Что бы ты хотел услышать про нас? — оживляется Азамат.

— Мм... — Кир задумчиво трет нижнюю губу, глядя, как Алэк пытается ловить ртом снежинки. — Про бога расскажите. Который тогда Старейшин напугал.

Азамат кивает мне, мол, это твоя история. Я о своем знакомстве с Ирликом рассказала уже столько раз, что сами события малость поблекли в памяти, спрятавшись за словами. Но я очень стараюсь не приукрашивать.

Кир слушает сначала отстраненно, время от времени мыча в знак внимания. Но когда я дохожу до отпиливания рук, он сам начинает ловить ртом снежинки.

— Язык застудишь, — насмешливо одергивает его Азамат.

Рот со стуком закрывается.

Дойдя до конца истории, я притормаживаю. Рассказывать Киру про Кирилла мне совершенно не хочется, да он и не просил. Это уже совсем другая история. Так что я лаконично завершаю тем, как Ирлик проволочил меня через Подземное Царство «почти прямо к Азамату на корабль», и быстренько перехожу к следующей встрече.

— Так что, он еще когда-нибудь придет в гости? — уточняет Кир, когда я выбалтываю все, что знаю о несчастном Ирлике.

— Обещал зимой, — говорю. — Посмотрим.

Кир некоторое время молча переваривает.

— У меня таких интересных историй нету, — говорит он наконец.

— Мне лично все твои истории ужасно интересны, — замечает Азамат, подхватывая мою затею.

— Ну ладно... — Кир снова неуклюже пожимает одним плечом, втягивая голову. — И про что мне рассказать?

— Расскажи, почему тебя не любили в приюте, — хватается за возможность Азамат.

Кир на секунду задумывается.

— Я не знаю, как это в целом рассказать, это не одна история.

— Тогда Расскажи кусочек... Скажем так, приведи пример, — настаивает Азамат.

— Ладно, — вздыхает Кир без особого энтузиазма. — Вот, например, есть у нас там одна девчонка. Хилая совсем, еле живая. У нее был отец, тоже такой же хилый, нормально работать не мог никогда. Она, когда маленькая была, с ним жила, но потом он совсем заболел и не смог зарабатывать ей на еду. Поэтому отдал ее в приют. Но приезжал каждое лето ее проведать. Кое-как наскребал каких-то денег, привозил что-нибудь, например, меховую жилетку, или кусок вяленого мяса, или банку меда, в таком духе. А она каждый раз ревела три дня, когда он уезжал. Ну и вот пока она ревела, все эти вещи у нее отбирали. Потому что другим здоровые и богатые родители ничего не привозили, а тут этой замухрышке такие подарки. Но я так считаю, этот ее папаша небось неделями не жрал, чтобы ей что-нибудь купить, а она тупая, вместо того чтобы съесть сразу, только ревела. Ну я пару раз этим, которые отбирали, помял ребра. Потому что нефиг. Так эта идиотка стала со мной делиться своими гостинцами. А я ей говорю, засунь, говорю, их себе, лучше об отце подумай. Тогда меня пацаны стали дразнить типа у меня с ней шашни. Ну я еще немножко их поколотил, чтоб заткнулись. Вот за то и не любят.

— Ты все правильно сделал, — решительно говорю я. Конечно, нехорошо поощрять драки, тем более что у ребенка и так к ним склонность, но что делать, если жизнь такая?

— Ты молодец, — с чувством говорит Азамат, притягивая Кира поближе за плечо. — Ты вырастешь отличным человеком.

Ребенок как бы случайно пристраивает нос в меху Азаматовой шубы.

— Вот интересно, — отвлеченно произносит Азамат. — Ты ведь понял, что тот человек любил свою дочку. Почему же ты во мне так долго сомневался?

Кир хмурится и отодвигается.

— Да что толку? — немного невпопад говорит он. — В смысле, он только свою жизнь угробил с этими поездками и подарками, а кому лучше-то стало? Я не знаю, зачем он все это делал.

— Это не зачем, — говорю. — Это потому что. Потому что он иначе не мог. Кстати, а чего это мы в прошедшем времени? С ним что-то случилось?

— Не знаю, — вздыхает Кир. — Просто позапрошлым летом он не приехал. И с тех пор не появлялся. Мы все решили, что он того. Говорю же, больной был.

— А девочка чем болеет? Может, надо поспешить с выездом? — спрашиваю, косясь на Азамата.

— Да она не то чтобы чем-то болеет, — пытается объяснить Кир. — Она просто хилая. Жизни в ней мало. Всякую заразу первая цепляет, а то иногда просыпается утром и встать не может. Еще тошнит ее часто, — подумав, добавляет он.

— Надо бы ее обследовать, — бормочу я, уже прикидывая в уме возможные варианты.

Азамат достает телефон и что-то раскидывает в календаре.

— Следующий выезд назначен через полтора месяца и в совсем другое место, — говорит он. — Но можно устроить совсем внештатный визит, прямо отсюда. Скажем, через два дня. Завтра на охоту ходим, иначе Арон нас съест, — он весело подпихивает Кира локтем, — потом день на обработку добычи. А там и съездим, что нам стоит?

После ужина я удаляюсь к себе сделать два звонка — Унгуцу и Алтоше, рассказать, как у нас тут дела идут. Унгуц радуется и заверяет меня, что не сомневался в счастливом исходе, сидел вот и ждал всеобщего примирения. Алтонгирел, напротив, удивляется.

— Я уж думал, у вас опять без вмешательства богов не обойдется, — поднимает бровь он. — Ну ладно, одной занозой в пятке меньше, а то я уже не знал, что с вами делать... Слушай, Лиза, тут странники наконец тебя заметили, один просится пообщаться, ты скоро вернешься-то?

Я таращусь в экран, пытаюсь представить, что может скрываться под словом «странник» — от бомжа до негуманоида из параллельной вселенной.

— Кто?.. — спрашиваю, отчаявшись.

— Ах ты ж, опять не знаешь ничего! — сердится Алтоша. — Ну эти... как их... журналисты.

— А-а-а! — осознаю я и тут же напрягаюсь. — Этого еще не хватало. Погоди, так меня же нельзя фотографировать, значит, и на видео снимать нельзя?

— Никто и не собирается тебя снимать, — поясняет духовник, глядя на меня сверху вниз прямо из бука. — Интервью напишут. Может, портретик поставят. И все.

— Ну ладно, — недоверчиво соглашаюсь я. — Но я еще не скоро до столицы доберусь. Мы хотим съездить в приют, посмотреть, чтобы там все было в порядке, да еще одну девочку там подлечить. Вот потом в столицу. Так что пускай звонит этот странник, по буку поговорим.

— Еще чего, странникам телефон давать! Потом не отвяжешься. Нет уж, придет лично, не развалится. Придет, договорится на удобный день, чтобы ты подготовилась, он ведь рукоделие твое захочет отснять, интерьеры всякие, а у тебя же вечный бедлам, несмотря на слуг.

— Э-э... — Я прикидываю, что еще он захочет отснять и сколько времени мне придется убираться. — Скажи ему, пускай на домофон мне позвонит, так и договоримся.

— Тоже вариант, — соглашается Алтоша, потом задумчиво добавляет: — Слушай, а когда вы в этот приют отправляетесь?

— Через два дня, если погода позволит, а что?

— Да так, — смотрит в сторону, — я вот думаю, не примкнуть ли к вам. Очень мне интересно, кто же мог вашего пацана так зачаровать. Вдруг найду там какие-нибудь признаки?.. Только ты ему не говори, а то еще нарочно мешать будет. Скажи, что я хочу проверить работу этого старого взяточника, который их раньше опекал.

— А ты разве до сих пор на планете? — удивляюсь. — Я думала, Экдал уже всех вас увез.

Алтонгирел мотает головой и усмехается.

— Нет, он все с женой возится. Нанял фотографа снять ее на визу, а ей то цвет лица не нравится, то фон, то еще что. Вот уже который день позирует, ну а Экдал боится их одних оставить, он вообще последнее время постоянно у нее торчит. Выходит уже к утру, еле на ногах держится, лыбится, как идиот. Очень напоминает Азамата после вашей свадьбы. Уж не от тебя ли его жена набралась приемов?

— От кого ж еще, — хмыкаю. — Ну ладно, раз ты с нами, то ждем тебя послезавтра. Пойду Азамату скажу.

Алтонгирел строит мне напоследок рожу и отключается.

Внизу Азамат рассматривает дело своих рук, поворачивая то так, то этак. Лук не простой, с узорами, и его еще предстоит покрасить, насколько я понимаю.

— Вот, Кир, гляди, как тебе?

Ребенок прикидывает изделие по руке, но скорее для вида — у него на лбу написано, что лук ему понравился бы, даже если бы был в два раза выше самого стрелка.

— Отлично! — скалится он. — Спасибо, отец!

— Не за что, обращайся, — улыбается Азамат, прихватывая Кира за плечи. — Вот распишу его и жилу натяну, и можешь пользоваться.

— Вы еще собираетесь в приют? — спрашиваю. — А то Алтонгирел хотел примкнуть, убедиться, что тамошний сомнительный духовник не налажал в своем деле. Я ему сказала, чтобы приезжал сюда, вместе полетим.

— О, замечательно, — говорит Азамат и продолжает что-то в том смысле, что уж Алтоша наведет порядок. А я смотрю на Кира, который жуёт нижнюю губу, направив расфокусированный взгляд в угол под потолком. Хотела бы я знать, какие расчеты идут сейчас в его голове и какие убытки мы от этого понесем.

Наутро все мужики, кроме Алэка, отправляются на свою вожденную охоту еще до моего пробуждения. А будит меня тот самый странник. Я, естественно, вчера благополучно выкинула его из головы и на вопль мобильного выползаю из-под одеяла сонная, помятая, в любимой спадающей с плеча ночнушке.

— Кто там? — зеваю я в трубку, только сейчас замечая, что на экране кто-то есть. Ах да, это же не по телефону, а по домофону звонят, тут камера по умолчанию!

Встретив заинтересованный взгляд незнакомого бородатого мужика, я со стуком захлопываю пасть и быстренько поправляю декольте.

— Здравствуйте, — говорю. — Вы меня разбудили.

— Ну что ж, раз так, значит, пора вставать, я считаю, — деловито замечает этот персонаж. — Так... когда вы готовы меня принять?

— Ой, я даже точно не знаю, — теряюсь я и тянусь за календарем. — Ближайшие четыре дня точно мимо, а потом надо будет посмотреть.

— Четыре дня, — бормочет он себе под нос, листая записную книжку. — Так во сколько?

— Да погодите вы! — начинаю просыпаться я. — У меня, знаете, и другие дела есть.

— У вас-то есть, — соглашается он. — Но и мне надо к первому дню зимы материалчик выложить.

— А куда спешить? — удивляюсь. — Я вроде не новость, с весны еще Хотон-хон, и до сих пор никто не интересовался.

— Ну вам же нужно было время освоиться, так сказать, в новом положении, — пожимает плечами странник. — А к первому зимнему дню нужно, потому что такие значимые материалы всегда выкладывают в первый день сезона, а весной будет уже следующий год. Так что вы уж для меня найдите времечко.

— Ладно, — вздыхаю. — Вы только скажите, вам кроме разговоров что-нибудь еще нужно? Алтонгирел мне говорил, что вы захотите рукоделие отнять...

— Да, обязательно, — энергично кивает он и снова шуршит записной книжкой. — Рукоделие, наряды, украшения, косметика, обстановка в доме, продукты, домашние животные и игрушки маленького князя.

У меня по мере перечисления вытягивается физиономия. Впервые с тех пор, как Азамат стал Императором, я рада, что нас нельзя снимать, иначе, наверное, попросили бы отснять, как я в туалет хожу.

— Я прям даже не знаю, — произношу растерянно, когда странник заканчивает читать свой список. — У меня половина вещей тут, на Доле... Вам принципиально вообще все?

Странник хмурится.

— Господин духовник мне сказал, что вы живете во дворце, разве нет? Я ведь с вами по домофону разговариваю, разве вы не здесь?

Приходится растолковать ему ситуацию с моими обиталищами.

— Вот оно что, — невесело говорит он, теребя бороду. — В таком случае, я к вам туда пришлю фотографа, а поговорим потом, когда вы приедете, иначе я в бюджет не уложусь. Только вы не очень тяните, я люблю подавать свои материалы заранее.

— Это не от меня зависит. А когда вы хотите фотографа прислать?

Странник снова сверяется с книжечкой.

— Завтра на рассвете, — говорит уверенно.

— Не-не-не! — ужасаюсь я. — Никакого рассвета! Не раньше полудня.

— Что вы, Хотон-хон, — снисходительно отвечает он. — После полудня ему уже в другом месте быть надо, у нас график напряженный.

— Ну нет. — Я окончательно просыпаюсь. — Мне наплевать, какой у вас там график. Если ваш фотограф прилетит раньше полудня, будет сидеть в снегу под дверью и ждать, потому что телефон и дверной звонок я отключу.

— Как скажете, — невозмутимо соглашается странник. — Значит, после полудня. Так когда вас в столице ждать?

— Не знаю, оставьте номер на охране, я вам позвоню.

— Договорились, — кивает он. — Только не тяните, а то если опоздаем к первому дню, никто читать не будет.

Я выдавливаю нечто невразумительное, желаю страннику удачного дня и вырубаю на фиг домофон, чтобы не перезвонил. Я как-то привыкла уже, что на Муданге ко мне все относятся даже с чрезмерным уважением, а тут вдруг такой обычный хамоватый делец, я даже растерялась. Можно подумать, это мне нужно, чтобы он взял у меня интервью! Хотя, возможно, он и правда так думает. Кто их знает, муданжцев, какое у них отношение к прессе.

Повздыхав по утраченным часам блаженного утреннего сна, я понимаю, что снова ложиться бессмысленно, и топаю вниз. Если сюда завтра нагрянет этот его фотограф, нужно хотя бы условно навести порядок. Чистоту-то уборщик организует, но вот открою я шкаф со словами «а тут у меня меха», а оттуда сойдет лавина из сорока мешков с неразобранными подарками от подданных, потому что в шкаф с мехами я заглядываю реже всего, а он большой.

В общем, полдня мы с Алэком занимаемся нервной уборкой. Не сказать чтобы мелкий мне помогал, но и мешает не очень. Так, хватается за вещи время от времени, а если я слишком часто нагибаюсь, он решает, что это я так с ним играю, и принимается прыгать в слинге, что не очень меня радует. Так что я стараюсь нагибаться поменьше: сортирую посуду, проверяю, не завалилось ли в холодильнике какого-нибудь рассадника разумной жизни со щупальцами, и вычесываю зверье. Котам нравится, кунице не очень. Мешки с неразобранными подарками я выволакиваю на середину гостиной, придут мужики — вместе будем разбирать.

В конце концов я решаю, что люди интересуются моей повседневной жизнью, а не декорациями, так что хватит бегать, пора заняться чем-нибудь успокаивающим, например, поплести заброшенный гобелен с каверзным богом Учком. Подумав, я устраиваюсь с этим делом на кухне, а то в гостиной висит гобелен с Ирликом и косит на меня глазом. Знаю, что глюки, но провоцировать не хочется. Алэк вскорости засыпает, примотанный ко мне, — занятие и впрямь успокаивает. Учок, кстати, выходит довольно красиво, несмотря на толстые нитки и крупный узор. Поскольку он осенний бог, одежды на нем побольше, чем на Ирлике, и вся она наводит на мысли об урожае и листопаде. Мне уже не первый раз чудится, что от ниток пахнет тыквой. Не знаю, может, их делают из чего-то такого...

Заплетшись, я начисто отключаюсь от реальности, и, когда мои охотники неожиданно и шумно вваливаются в прихожую, я прям пугаюсь.

— Лизонька! — гремит Азамат. — Встречай! Ты где? Мы с добычей!

И действительно, опять вся прихожая в кровавых тушах.

— Вижу, — говорю. — Только я вас так рано не ждала, ничего не готовила, суп со вчера остался, а так...

Азамат бросает взгляд на часы.

— Ничего себе рано, уже за полночь. Ну ладно, сейчас мы быстренько зажарим птицу на вертеле, давайте, ребят, несите все на кухню, пока тут пол не запачкали.

Я тоже смотрю на часы. Действительно, уже ночь. У меня Алэк последний раз ел до того, как я за гобелен села, чуть не полсуток назад. Чудеса, да и только. Алэку и самому приходит в голову, что пора бы и покушать, и он начинает голосить и стучать по мне пятками.

— Ого, — слышится голос Азамата с кухни. — Да ты, я смотрю, заработалась.

Это он гобелен заметил. И правда, Учок почти готов, только фон осталось сделать. Я в этот раз попробовала новую технику, в которой не обязательно строго снизу вверх все полотно плести, можно начать с центральной фигуры.

— Красиво, — замечает Арон, перекладывая из мешка в раковину каких-то длинношеих птиц. — Я смотрю, вы втягиваетесь в мударжскую жизнь, Лиза: никакого ужина, зато гобелен!

— Пойду покормлю ребенка, — мрачно отвечаю на это я.

Позже я присоединяюсь к суете на кухне вместе с бодрым, выспавшимся Алэком, который еще не скоро даст нам пощады.

— Ой, Лиза, давайте я с ним посижу, — предлагает Кир с мольбой в голосе.

— Действительно, — поддакивает Азамат. — Поменяйтесь, а то у Кира уже нож в руках не держится.

Я с отвращением смотрю на перья и шкуры:

— Смотря что надо делать.

Азамат ставит передо мной большой таз с бесформенными кусками чьего-то мяса.

— Замаринуй, возьмем с собой в приют, там и пожарим, чтобы всех угостить.

Я ворчу, что шашлык детям не полезен, но не особенно сопротивляюсь. Не знаю уж, кого они такого подстрелили, но с этой горой мяса нам своими силами не справиться.

— Ну у тебя тут, Азамат, угожья, — видимо, не в первый раз уже восхищается Арон. — Чтобы в степи да столько настрелять... ух-х! Я бы прям всегда тут жил.

— Через полмесяца зима начнется, — отвечает Азамат. — А зимой только с голоду охотиться можно. Так что набивай закрома сейчас, а там уж до лета.

— Вот-вот, — поддакиваю. — Мы полетим в приют, а ты тут охотиться, пока нас нет. А потом мы прилетим, а тут уже и сезон кончился...

Азамат с Ароном переглядываются.

— Получи свою овцу обратно, — усмехается мой муж. — Ладно уж тебе, Лиза, не сердись на него, Арон в хозяйстве полезный, наготовит тебе много вкусной еды...

— Лиза! — зовет из гостиной Кир. — А что тут за мешки стоят? Алэк в них все время лезет.

— А это подарки от подданных, — кричу в ответ. — Если хочешь, покопайся, вдруг тебе там что-нибудь понравится. Только следи, чтобы Алэк ничего в рот не тянул, сначала все дезинфицировать!

Кир издает приглушенный победный клич и принимается шуршать пакетами.

— Завтра сюда прилетит фотограф, будет снимать мои жилищные условия, — объясняю в ответ на немой вопрос Азамата. — Вот, решила прибраться.

— А-а, до тебя странники добрались наконец-то, — ухмыляется муж. — Не очень наглели?

— Да как тебе сказать, изрядно вообще-то, — пожимаю плечами. — Правда, стоило мне упереться, моментально пошел на попятную.

— Они всегда так, — встречает Арон. — Если видят, что человек покладистый, душу вынут. А рявкнешь — так сразу все будет по-твоему. Вы с ними посуровее, Лиза, тут же станут как шелковые!

На пороге кухни возникает Кир, одной рукой балансируя Алэка на бедре, а второй держа подальше от него связку бус.

— Мне можно что-нибудь из этого взять? — спрашивает он с придыханием.

Алэк подпрыгивает, пинается и тянет лапки к блестящим штучкам.

— Можно, конечно, — щедро улыбается Азамат.

— Только давай ты сначала все это протрешь, потом мы поужинаем, а потом все выберем себе что-нибудь и решим, что делать с оставшимся.

Кир оглядывает свисающие чуть не до пола лианы драгоценных камней, и по лицу его видно, что оставшегося не останется.

Зажевав несколько жареных птиц, про которых Азамат мне объяснил, что «это такой рябчик, похожий на дрофу», мы усаживаемся в кружок вокруг дезинфицированных Киrom подношений и принимаемся разбирать. Мне по умолчанию сдают все ткани, наборы для рукоделия и прочую фурнитуру, только успеваю отбиваться. Кир и Арон с совершенно одинаковым светом в глазах нагребают украшения. Алэк требует себе всего и побольше, но когда гора игрушек начинает перерастать его, перестает загребать новые и принимается методично раскидывать по комнате собранные. Азамат нехотя, в основном по моему настоянию, меряет несколько более-менее удачных предметов одежды, смущаясь, выбирает пару колец и длинную нитку золотых оберегов для вплетания в волосы, зато с энтузиазмом складывает в вышитый мешочек разнообразные носители информации и мелкие забавные дивайсы типа радиоуправляемого спутникового приемника на антигравитации, выполненного в мударжских традициях в форме стрекозы, или часы со спидометром, или гибкий кожаный мобильник. Я вообще заметила, что Азамат любит мелкие вещицы, чем мельче, тем лучше.

Пока я прикидываю, нужны ли мне еще одни аметистовые серьги или все-таки не жадничать и послать их Сашкиной жене, Азамат вылавливает из мешка зип-пакет с клубком

черной пряжи.

— Гляди, кто-то прознал, что ты гобелен Учоку плетешь, — говорит муж, протягивая мне пакет. — Это нитки для него.

— Откуда ты знаешь, что именно для гобелена? — удивляюсь я.

— А ты посмотри, на что намотаны.

Я разглаживаю пакет и присматриваюсь. Из клубка торчат деревянные голова, хвост и лапы какой-то птицы, похожей на ворону.

— Бормол, что ли? — спрашиваю.

— Ага, бормол, которым призывают благосклонность бога, — подтверждает Азамат. — Учок-хон вороном перекидывается, это его птица, вот тебе и черная пряжа — на гобелене воронов выплестать.

— погоди, а откуда кто-то может знать про гобелен, если я его начала плести перед самым отъездом сюда, а эти мешки у нас лежат уже пару месяцев как минимум?

Азамат задумчиво пожимает плечами.

— Может, я и не прав и это просто совпадение, но мне легче поверить, что подарок от знающего или от духовника, который заглянул в будущее.

Я возвожу очи горе.

— Этого еще не хватало, мало мне и так мистики вокруг. Ладно, если ты считаешь, что подарок безобидный, я его использую. А пока пошли спать, вон у нас дети уже дрыхнут в обнимку.

Кир с Алэком и правда являют собой элемент узора на ковре, поблескивая камушками.

Фотограф является через минуту после того, как часы в кухне кукукнули полдень. Он молодой, деловитый и нарядно одетый, только поверх меховых штанов с узорными вставками натянуты серые наколенники, видимо, на случай если придется ползать по полу в поисках ракурса. На Азамата он смотрит с откровенным ужасом — тот вышел с кухни по локоть в крови, потому что занимался там разделыванием очередной туши, и почти сразу ушел обратно. Ко мне у юноши в глазах читается интерес. А остальных он просто не замечает.

— Будьте здоровеньки, — здоровается он в несколько фамильярной манере, стряхивая снег с сапог притопыванием на коврике. — Что ж вы так дворников-то распустили? Я хотел дом поснимать, а вокруг него все снегом завалено.

— И вам не болеть, — откликаюсь я и добавляю с покер-фейсом: — Хорошо, что вы вокруг дома не пошли, там моя мама сад насадила, если б вы что-нибудь загоптали, она бы с вас скальп сняла.

— Мама? — переспрашивает он с опаской.

— Ну да, — пожимаю плечами я. Слухов о моем происхождении-то никто не отменял.

— Кхм, — прокашливается он. — Ну что ж... Давайте тогда в доме поснимаем, а там, может, вы мне покажете, где можно подойти?

— Кир, покажешь тропинку? — ласково прошу я.

Кир, которого фотограф полностью проигнорировал, кивает и улыбается так хищно, как будто у него там уже заготовлена ловушка на мамонта. Впрочем, я бы не удивилась. Кир не любит, когда его игнорируют.

Фотограф меж тем, не подозревая, какие опасности его подстерегают, раздевается, достает наладонник и принимается там что-то отмечать.

— Предлагаю начать с гардеробной, — наконец изрекает он.

— С чего? — моргаю я.

— Ну, где вы одежду храните?

— В шкафу.

Тут уже моргает фотограф.

— Вы основную часть в столице держите, да? — догадывается он.

Я прикидываю.

— Да нет, примерно пополам. Ну давайте я вам покажу, чего время тратить.

Фотограф боязливо следует за мной ко встроенному шкафу с шубами и куртками. Взгляд его примерзает к моему прекрасному элегантному лыжному костюму из серебристой термонепомокайки.

— Это... мальчика, да? — с надеждой спрашивает фотограф, кивая на Кира.

— Нет, это мой лыжный костюм, — с гордостью отвечаю я. Костюм и правда очень удачный.

— Может, мы его временно уберем, чтобы в кадр не попал? — робко предлагает фотограф.

— Еще чего! — возмущаюсь я. — Я его надеваю чаще, чем любую из этих шуб, когда с ребенком гуляю.

— С ребенком... — упавшим голосом повторяет фотограф. Потом вздыхает и берет себя в руки. — Ладно, как вам будет угодно.

После этого все более-менее идет как по маслу. Он расставляет треногу, укрепляет свою навороченную технику, лампы, отснимает это свидетельство моего морального падения, а потом и прочие, когда я демонстрирую содержимое остальных шкафов. Непоправимую психическую травму юноше наносит единственная спальня на двоих с мужем, а от вида моего кабинета ему становится всерьез плохо. Выясняется, что целителей он боится с детства.

— Что же вы взялись за такую работу? — удивляюсь я, снаряжая лазерную пилу. — Знали ведь, что я целитель.

— Да я не думал, что у вас тут все *это* хранится. А ч-что вы такое включаете?..

— То, чем я Ирлик-хону руки отпиливала. Будете щелкать?

Фотограф бледнеет, зеленеет, но аппаратуру расставляет. Кир выглядывает у него из-за спины с любопытством, лазерной пилы он еще не видал.

После испытания хирургическими инструментами я позволяю трепетному юноше обрести душевный покой, для чего выкладываю перед ним всякое вязанье и вышивание. Кир охотно приносит свою дубленку и шарф. Гобелены производят на гостя самое неизгладимое впечатление, даже недоделанный с Учком. Правда, я с утра еще немножко его помучила, изобразила, как смогла, орнаментального ворона дареными нитками. Ворон получился жирный и блестящий, несмотря что стилизованный.

Отсняв мою небольшую коллекцию косметики и широкий ассортимент детских игрушек, фотограф наконец-то набирается храбрости зайти на кухню, где Азамат с Ароном при поддержке мелкого и по уши перемазавшись в мясе разбирают остатки вчерашней добычи. Азамат, убрав с лица выбившуюся прядь и оставив на щеке кровавые разводы, басит:

— Прямо сейчас кастрюли поснимать не получится, видите, занято.

Юнош бледнеет так, что того гляди хлопнется в обморок.

— Идите, пока светло, дом снаружи поснимайте. Лошадей, мостки... Кир, проводи!!!

Кир выскакивает из дома с не меньшим энтузиазмом, чем несчастный гость, едва

накинув дубленку. Азамат посмеивается и качает головой.

— Я чувствую, слухи обо мне в ближайшее время обрастут подробностями.

— Ну ты сам постарался, — замечаю я. — Вам тут не помочь пока? А то мне бы не хотелось откачивать этого слабонервного.

— Да мы сейчас уже закончим. Можешь сунуть что-нибудь в духовку, надо этого мальчика хоть покормить, он ведь наверняка с утра не евши...

— Ты что, разве можно странников прикармливать?! — ужасается Арон. — Потом не отобьешься.

— Этот еще пока не странник, — отмахивается Азамат. — Так, личинка.

Фотографа Кир возвращает в виде глазированного печенья. Снег сегодня липкий и мгновенно образует ледышки на шубе.

— Ты чего, с горки на нем катался? — спрашиваю я шепотом, пока гость развешивает свои меха на сушилке.

— Да нет, — невинно пожимает плечами Кир. — Я ему сказал, типа ты там поосторожней, наст хрупкий, а он как треногой оперся...

— Ты особенно-то не усердствуй, — шепчу я. — Он тебе ничего плохого не сделал.

— Да я так... — Кир вздыхает и с явным сожалением добавляет: — Больше не буду.

Впрочем, гость недолго дуется. После ужина и горячего чая с перцем и бараньим жиром он совсем благорастворяется, перестает бояться Азамата и даже подбивает его на тур по дому — показать, где как балки скрещены, каким макарон каналом канализация подведена и тому подобные инженерные тонкости. Количество галочек в его наладоннике неуклонно растет.

— Так-с, что у нас тут осталось... — бормочет он, листая свои фотографии в камере. — А, вот что. Хотон-хон, давайте про мебель расскажите, что откуда?

— А я откуда знаю? — удивляюсь я. — Комод в гостиной с Гарнета, а про остальное мужа спрашивайте.

— Как это не знаете? — очухивается фотограф от блаженной неги. — А как же вы подругам хвастаетесь?

— Мебелью? — Я вытягиваю вперед шею.

Фотограф тоже теряется, видимо, мой вопрос нелеп. К счастью, окончательно упасть в его глазах я не успеваю — на выручку приходит Азамат. Покровительственно кладет мне руку на плечо и нравоучительно объясняет:

— Я оберегаю свою жену от таких будничных забот, как выбор мебели. Если вам интересно, я расскажу, у какого мастера я что заказывал, но они не брендовые.

— Значит, станут брендовые, — усмехается фотограф. — Рассказывайте.

Когда он наконец отбывает, унося в камеру полный фотоотчет о моем доме, я в шутку интересуюсь у Азамата, достойно ли я держалась и не презирают ли меня подданные.

— Вообще достойно, — ухмыляется он. — Вот только с мебелью чуть прокол не вышел. Это же как туфли или платья... Ты не замечала, что на всех ручках клеймо мастера?

— Я думала, это просто узорчик... — развожу руками. — Интервью вообще будет катастрофа.

— Ничего, я тебя в обиду не дам, — подмигивает Азамат и потягивается. — Эх, надо поработать немножко.

Он открывает бук, но вместо экрана продолжает смотреть на меня, а я выползаю из приличного дила, оставшись в лосинах и маечке, потому что дома у нас довольно жарко.

— Тебе эти штанишки очень идут, — замечает муж. — Ты сегодня рано спать ляжешь?

Я встречаю его взгляд.

— Да хоть прямо сейчас!

— Это соблазнительно, но после я точно поработать не смогу, — вздыхает Азамат, отводя глаза. — Так что давай чуток попозже.

— Как скажешь, — пожимаю плечами и сажусь за гобелен.

И опять, как вчера, за этим занятием впадаю в такой ступор, что около полуночи Азамату практически приходится меня будить, а гобелен оказывается закончен.

Алтонгирел является в ночи на казенном унгуце, который тут же отбывает обратно. Я узнаю об этом от Азамата, неохотно вылезшего из теплой постели, чтобы впустить духовника в дом.

Утром моим глазам предстает премилая картина: Алтоша, которому было постелено на диване в гостиной, ночью скатился с дивана и подполз к камину, причем, поскольку у нас дома очень тепло, одеяло он скинул и спит теперь с ним в обнимку, обхватив его руками и ногами, как плюшевого мишку. А спит он, естественно, нагишом, кто бы сомневался.

Алэк у меня на руках очень радуется виду духовничьей попы, показывает на нее пальцем, вяньгает и пытается произнести ее название. На звуки из кухни высовывает голову Кир с понимающей ухмылкой.

— Привет, — говорю я, огибая тело в гостиной. — Давно ты любишь эту инсталляцией?

Кир уже привык, что не понимает половину моих слов, так что даже не переспрашивает, а так, догадывается из контекста. Только мимолетом хмурится.

— Я встал, когда солнце скалу осветило, это где-то час после рассвета. Ну и не стал его трогать, мало ли, может, духовникам так положено.

— А где Азамат-то? — усмехаюсь я.

— Снаряжает унгуц. Собирался после этого вас будить, у меня тут уже и завтрак готов.

— Тогда поддержи-ка братца, пойду Алтошу тормозить.

Духовник, понятно, побудке не рад, а когда осознает, в каком виде я его застала, принимается шипеть и фыркать, и занимается этим до самого завтрака. Впрочем, Кирова стряпня его несколько утихомиривает, и, если бы Азамат с Киrom весь завтрак не переглядывались и не обменивались намеками про щеки и персики, Алтоша мог бы и совсем успокоиться.

Алэка мы решаем взять с собой: Арон так и не почтил нас своим присутствием, а мелкий настроен благодушно и не занимает много места, к тому же очень любит летать. Конечно, приют — не лучшее место, куда можно съездить с младенцем, но если его не вынимать из унгуца, то это не так важно.

Утречко выдалось безоблачное, и скоро мы уже парим над разверстыми красными пастями Короула, рассматривая шныряющих мимо птиц и шурясь от сверкающего внизу снега. Даже Алтонгирел временно перестает листать книжку и немножко смотрит в окно. Алэк радуется, ползает по сиденью и пытается стянуть у духовника жезл — еще бы, такая погрешность! Алтоша, впрочем, к детям на удивление терпим и даже не ворчит, хотя жезл убирает.

— Мне-то не жалко, — объясняет он расстроенному Алэку, — но такие вещи никому нельзя трогать, кроме владельца. Даже такому очаровательному зайчику, как ты!

Я тщетно пытаюсь сохранить покер-фейс, тем более что Кир на переднем сиденье давится смехом так, что заплевывает лобовое стекло. Азамат с ухмылкой достает из бардачка целлюлозную салфетку и протягивает ему.

— Вытирай.

А Алтоша продолжает громовое сюсюканье, не обращая ни на что внимания. О своей книжке он вспоминает, только когда Алэк начинает просить есть и спать, уже в видимости

Сиримирна. Когда я приступаю к кормлению, духовник поворачивается всем телом так, чтобы по возможности сидеть ко мне спиной, сгибается в три погибели и утыкает нос в экран читалки, однако от моего взгляда не укрывается пунцовый цвет его ушей.

Мы снижаемся неподалеку от здания приюта. Азамату приходится тщательно маневрировать, потому что из дома высыпает орава детей, и все они под хриплые крики Гхана так и норовят залезть под брюхо садящемуся унгуцу. Я понимаю, конечно, что унгуц — это интересно, но и инстинкт самосохранения какой-то должен быть.

Сам Гхан тоже спешно ковыляет к нам на своей деревяшке, вытаращив глаза так, что иная сова позавидует. Азамат с Киrom выпрыгивают за борт первыми, потом я, оставив крепко спящего Алэка в дорожной колыбельке, а следом — величественно — Алтонгирел.

— Что?! — в ужасе выкрикивает Гхан вместо приветствия, и я уже безо всякого дара предсказания знаю, что он скажет дальше. — Обратнo привезли?!

Азамат хохочет и приобнимает смущенного Кира за плечи.

— Не-эт, еще чего! Этого я, раз нашедши, не отдам. Нет, мы тут просто проведать вас решили, посмотреть, как вам живется при новом порядке, гостинцев привезли...

Лицо Гхана меняется нарочито, как в мультике, из удивленного в напуганное, и в итоге замирает с выражением едва примаскированной паники.

— В смысле, э-э, проверочку нам решили устроить?

— И это тоже, — невозмутимо басит Азамат. — Я же должен следить, на что уходит бюджетное финансирование.

Меж тем дети, обступившие нас, в отличие от Гхана, слышали про гостинцы и зашептались. Они более-менее всех возрастов, самых маленьких старшие держат на руках. Одеты они странно: поверх лохмотьев навроде тех, что были на Кире, напялены яркие новые куртки и утепленные штаны, многие не застегнутые и с болтающимися бирками. Обувь на всех старая, жуткая и залатанная. Кир, сам в своей кислотной куртке, обменивается с несколькими из старших кривыми улыбками. Ему явно неуютно среди бывших однокашников теперь, когда он чей-то, а остальные по-прежнему ничьи.

— Вот, видите, зимнюю одежду закупили, — поспешно отчитывается Гхан. — И провизию кое-какую... Извольте откусать? Вы уж простите, Ахмад-хон, прошлый раз-то я вас не признал...

— Откусать у нас с собой, — прерывает Азамат. — Да что мы тут на улице стоим, пойдете в дом побеседуем?

— Э-э, там... дымно... — мнется Гхан. — Печка топится...

— Отчего ж дымно-то? — удивляется Азамат.

Гхан нервно жует губу и молчит, так что Кир объясняет за него:

— Там пол просел, и у печки труба до потолка не достает, вот и дымит.

— Так вам надо ремонтников вызывать, — кивает Азамат.

— Да, обязательно, вот найти бы только честных людей...

Гхан продолжает лепетать о сомнительности нравов худульских строителей, а я замечаю, что Алтонгирел как-то настороженно вертит головой.

— Ты чего? — пихаю я его.

— Тут кто-то есть, — угрюмо шепчет он в ответ.

— Тут около сотни человек, — замечаю я.

Он только отмахивается и продолжает нервно рассматривать окружающий пейзаж,

только что ушами не шевелит.

Кир тем временем решает проявить себя как организатор и обращается к старшим:

— Ребят, давайте хоть костерок разведем, там у кострища сесть можно, им же надо где-то поговорить... — Он кивает на Азамата с Гханом.

— Че, самый главный тут теперь? — цедит невысокий мальчик с разбитой губой.

— Нет, — пожимает плечами Кир, — куда уж мне. А мясо мы можем и с собой увезти, раз тут жарить не на чем.

Его расчет оправдывается — при слове «мясо» парень сглатывает и решает отложить выяснение отношений на потом.

— Слышь, Чубарый, давай костер разводить! — кричит он в сторону сараев.

Из ближайшего высовывается рыжий веснушчатый и сильно раскосый парень, видимо, детеныш горца. Видуха та еще, я понимаю, почему горцы считаются некрасивыми.

— Чой-то, — отзывается Чубарый, — дрова лишние завелись?

— Мясник мясо привез, — ухмыляясь поясняет парень с разбитой губой. И оборачивается к Киру с победным видом.

Кир поджимает губы и явно сдерживается, чтобы не врезать.

— Ты, Мухортик, дыру-то прикрой, я ведь и приласкать могу, — шипит он.

— Ой-ой! — пугается Мухортик и отходит на два шага, оттаскивая за рукава хихикающих товарищей. — Вот шас обещанное-то и сбудется!

— Заткнись, баран! — шепотом рявкает Кир, оглядываясь на Азамата. Тот в нескольких шагах от нас занят разговором с Гханом и смотрит в другую сторону, ничего не замечая.

Я чувствую себя довольно неловко: в чем суть конфликта — не понятно, и вроде надо бы ребенка поддержать, но и чтобы его не задразнили потом маменькиным сынком.

— Давайте только без драк, — хмуро требую я наконец. — Лучше наоборот, если кто приболел или ушибся, вставляйте в очередь к унгуцу, я целительница, всех полечу.

— Чур, я первый, у меня вот губа! — выкрикивает Мухортик (не знаю, правда, это имя или обзывательство), тыча пальцем в болячку.

— К унгуцу, — киваю я.

Мухортик только заносит ногу для спринта, как Кир хватает его за локоть.

— Стой. Первой пойдет Зеленуха, мы ради нее сюда прилетели. Где она?

— О-о-о-о! — тянут несколько плотов. — Так ты любовницу свою спасать приехал?

Я морщусь, ожидая фонтан эмоций, но Кир реагирует на удивление спокойно: корчит рожу и переспрашивает:

— Так где?

— Не знаю, если до конюшни доползла, то там, а нет, так по дороге в снегу валяется, — пожимает плечами Мухортик.

— Все, кто лечится, к унгуцу, — мрачно говорю я. — Младшие пойдут первыми.

Мой энтузиазм по поводу спасения несчастных сирот как-то улетучился.

Кир времени не теряет и уже скачет по глубокому снегу за угол, туда, где проходит кратчайший путь от дома к сараям. Я, неловко приподняв полы дилы и шубы, хрупаю за ним. Исследовав дорожку, Кир исчезает за скрипучей дверью одного из сараев и тут же снова высовывается оттуда.

— Здесь!

Я без энтузиазма протаптываю траншею в том направлении.

В сарае чудовищно воняет навозом, аж глаза слезятся. Проморгавшись в темноте, я

различаю двух небольших и очень мохнатых лошадеенок и стог сена, у подножия которого светится Кирова кислотная куртка. Попытка дышать в этой газовой камере приводит только к приступу кашля.

— Тащи ее в унгуц, — выдавливаю я. — Тут ничего не видно.

И выскакиваю на улицу дышать.

Кир появляется через минуту. Как истинный джентльмен, он отдал свою куртку даме, но на большее его не хватило: даму он несет через плечо, как мешок с картошкой. Ладно, дольше будет жонглировать, он-то по снегу бегают быстро, это я плетусь.

— Это та девочка? — спрашивает Азамат, когда я прохожу мимо. Они с Гханом движутся в ту сторону, где непоцарапанные дети разводят костер.

— Она самая, пойду печальных осматривать.

— У нас печальных нету! — встречает Гхан. — У нас все здоровые! Если кто прикидывается, гоните в шею!

— Не волнуйтесь, я, как говорится, не первый раз зам... э-э, то есть не первый раз на таком выезде, с симулянтами обращаться умею.

Азамат поднимает на меня бровь и уводит Гхана, пока не разогнал мне весь контингент. К тому времени как я добираюсь до унгуца, Кир уже расположил свою подружку на переднем сиденье, прибавил нагрев печки и закрыл спящего Алэка фильтрующим пологом, чтобы к нему никакая зараза не попала.

— Вот, знакомьтесь, — робко говорит Кир, когда я влезаю в унгуц. — Это Зеленуха. То есть, я хотел сказать, Айша.

Айша на совесть грязная и заметно попахивает. Даже Кир, когда мы его забирали, был чище. Она полулежит на сиденье, как кукла, в которой растянулись резинки, — вот-вот развалится.

— Здравствуйте, — говорит она хилым хриплым голоском. — Извините...

— Здравствуй, — говорю, берясь за сканер. — У тебя что-нибудь болит?

— Голова.

— Сильно?

— Сейчас не очень.

Я хмурюсь:

— Сейчас? А давно болит?

— Всегда.

Моргаю:

— Что, вообще всегда? Всю жизнь?

— В снах проходит... — мечтательно поясняет Айша.

Рассматриваю ее голову во всех ракурсах под сканером. Нормальная голова — ни опухолей, ни воспалений, нормальное внутричерепное давление, никаких аутоиммунных симптомов, ну вообще все в норме.

— Кружится? Мутит?

— Сейчас не мутит, — почти довольно отвечает девочка. — И никогда не кружится.

— Я так понимаю, ты ходишь с трудом, да? Почему?

— Ноги не держат, — сипит Айша со вздохом. — Сгибаются, и все тут.

— Кир, подготовь мне для анализов все, — говорю, наводя сканер на девочкины ноги.

Она, кстати, только в обносках, новой одежды не досталось, похоже. Ноги, однако, нормальные — тощие, конечно, но работать должны. Голодает она, что ли?

Через пятнадцать минут, когда готовы анализы, выясняется, что не так уж и голодает. Небольшой авитаминоз есть, конечно, но не сильнее, чем был у Кира. А больше ничего. То есть совсем ничего. Ни инфекций, ни опухолей, ни отравлений, ни недостатков, ни иммунных проблем, ни гормональных, ни нервных. Еще через полчаса я изучаю ее под лупой вдоль и поперек и выясняю, что все органы работают, как положено — ни повреждений, ни врожденных пороков. Гинекология ни при чем, девочка еще не вошла в пубертат. Перебираю в уме все возможные психические отклонения, но и тут по нулям — ни единого малюсенького симптомчика, будь он неладен! Только слабость, головная боль, частая тошнота и, как мне удастся вызнать, обмороки. Я бы и впрямь решила, что девочка — симулянтка, но Кир с ней прожил полжизни в одном доме и довольно тесно общался, и он твердо уверен, что она действительно больна. Да и, судя по его рассказам, никакой выгоды для нее в этом нет, только наоборот. Бессознательное самовнушение? Наследственное... Чуть какая-то. Наверняка я что-то пропустила. Или портативный сканер недостаточно хорошее разрешение дает, отвезу ее домой и там посмотрю в нормальных условиях. Решено.

— Вот что, Кир, перегрузи-ка ее на заднее сиденье. Я пока посмотрю остальных, а ее придется с собой забрать, я так ничего не нахожу.

Кир озабоченно кивает и перетаскивает Айшу назад, где она тихо сидит, прислонив голову к стеклу. Сам Кир выбирается наружу и принимается командовать, кого из подмерзших нетерпеливых малышей осматривать первыми. Дети оказываются вполне здоровыми — пара сопливых носов, набор ссадин и шишек, вывих, несколько легких ожогов, занозы, в общем, ничего катастрофического. Видимо, с более серьезными заболеваниями тут не выживают... Рутинные диагнозы успокаивают, и только теперь я замечаю, насколько Айша вывела меня из душевного равновесия. Нет, ну если только Кир врет и на самом деле она анорексичка, но ведь я все равно бы нашла признаки... А она даже не безумно тощая. Худая, конечно, но не патологически, а так тут все не толстые.

Вместо очередного ребенка в салон засовывается Азамат.

— У тебя печальные кончились, а мы там шашлыки жарим. Пойдем?

— Ага. Вот только... — оборачиваюсь назад, — Айша, ты пойдешь есть?

— К кострищу? — грустно переспрашивает она. — Я бы пошла, но, боюсь, не дойду.

— Давай попробуем, — предлагаю я. Хоть посмотрю на нее в действии, как ее ноги не держат.

Азамат открывает часть купола около заднего сиденья, а там уже Кир на подхвате — помогает Айше перекинуть ноги за борт и спрыгнуть, а вернее, сползти в снег. Вокруг унгуца притоптано, тут такая толпень была, укатали в асфальт. Я сигналию Киру, чтобы перестал поддерживать больную, хочу посмотреть, как она сама передвигается. Поначалу ничего, равновесие держит, набок не заваливается, но идет ужасно медленно, как будто не сквозь воздух, а сквозь кисель, да еще с неподъемным грузом.

— Что с ней? — спрашивает меня Азамат, доставая из багажника домкрат.

— Не знаю! — в отчаянии развожу руками.

— То есть как? — моргает он.

— Да вот представь себе, — вздыхаю. — Не могу понять! Придется везти ее с собой, а то и вовсе отправлять в диагностический центр... в герметичном ящике, на опыты.

— Ты разберешься, — уверенно говорит Азамат, похлопывая меня по плечу. — Пойду печку им подниму, а то видишь, приходится всем торчать на морозе, это не дело... Ты приходи потом к костру.

Он удаляется, а я наблюдаю за мучительной походкой Айши и не разделяю Азаматову уверенность. Девочка все замедляется и замедляется и в конце концов все-таки падает на колени, уперев руки в снег для устойчивости. Мы с Киrom подбегаем поближе. Девочка тяжело дышит и вспотела, как будто и правда волокла на себе полтонны, и локти у нее дрожат, как если бы она спиной подпирала дом. Голова висит, как будто шея не выдерживает ее вес. Что за чертовщина, у нее же нормально развитые мышцы, почему она так шевелится, словно живет в иной гравитации?!

Я уже начинаю прикидывать, не может ли на этом безумном Муданге зияние возникнуть внутри человека, но тут меня окликают. Подняв голову, я вижу, что со стороны леса ко мне на хорошей скорости чешет Алтонгирел, то есть прям бежит, высоко задирая коленки, так что полы диля хлопают до ушей.

— Уйди отсюда! — орет он на бегу. — Лиза, отойди от нее!

Я резво отскакиваю и оттаскиваю Кира за рукав. Тут уж лучше перебдеть, чем недобдеть, тем более что у меня нет идей, с чем связано состояние девочки, а у Алтоши, кажется, есть.

— Шакальи потроха! — сплевывает духовник, тормозя около меня и переводя дух. — Я ищу источник по всему лесу, а ты, конечно, как всегда, в самом центре событий!

— Источник чего?

— Этого тебе знать не положено, — отрезает он и оборачивается к Айше, которая тем временем окончательно распласталась на снегу. Алтонгирел смотрит на нее с опаской и неприязнью, как на чумную крысу. Кир это тоже замечает и встает на защиту подружки.

— Она не заразная, — заявляет он. — Она тут много лет живет, ни с кем ничего не случилось!

Алтонгирел вроде как заносит руку, чтобы отмахнуться, но передумывает.

— У вас тут сумасшедшие есть? — уточняет он у Кира.

— Не-ет! — удивленно отвечает Кир.

Алтоша брезгливо поддергивает полы диля и присаживается на корточки в головах у Айши. Хмурится. Проводит в воздухе рукой. Чертыхается, оттягивает отворот, достает из-за пазухи жезл, совершает им тот же жест. На лице его застывает напряженное выражение, как будто Алтоше померещился какой-то судьбоносный звук. Потом он медленно оборачивается к Киру.

— Это она соткала для тебя молитву, — скорее сообщает, чем спрашивает он.

Кир неуверенно кивает. Оп-па.

— А почему ты сразу не сказал? — выпаливаю я.

Кир мнетя, и Алтонгирел отвечает за него:

— Не хотел выдавать, что подружка — знающая.

Ах, ну да, это же плохо. Господи, бедная девочка — внебрачная, сирота, вся больная, да еще и с запретными способностями. Погодите...

— Алтонгирел, а может быть, что эта ее болезнь какого-то... такого происхождения? — спрашиваю.

Он не может не воспользоваться случаем посмотреть на меня как на дуру.

— Естественно она такого происхождения! Девчонка квазар, из нее сила шарашит во все стороны, как от солнца!

— Эм-мм... А с этим можно что-нибудь сделать? — интересуюсь я, морально подготовившись к потоку оскорблений. Он не следует.

— Кир, — окликает духовник. — Она сирота или внебрачная?

— И то и другое, — отвечает Кир.

Алтоша устало трет лицо, потом почему-то матерится.

— Ты чего? — спрашиваю я озабоченно.

Алтонгирел неожиданно сгребает девочку в охапку.

— Пошли в унгуц, — буркает он. — Нечего ей тут в снегу валяться.

Мы с Киром переглядываемся и вслед за духовником лезем в унгуц.

— Так с ней безопасно рядом находиться? — уточняю.

— Да, — угрюмо кивает духовник. — Я сначала неправильно понял, что она такое. Я думал, она вулкан, а она квазар.

— Мне это ничего не говорит, — напоминаю на всякий случай. Но он только задумчиво кивает.

— Извините... — шепчет Айша, раскисшая на коленях у Алтонгирела. — Вы меня не ждите, а то мясо быстро кончается.

— Я тебе принесу! — вызывается Кир. — Ведь можно же? — Он вопросительно смотрит на меня, потом на духовника.

Я пожимаю плечами, Алтонгирел кивает. Кир срывается с места и бежит к костру, где с боем добывает целый шампур. Столько она не съест, конечно, а если и съест, то впрок ей это не пойдет, но мне трудно осуждать Кира за энтузиазм, да и есть уже хочется.

— Алтонгирел, — возвращаюсь я к неразрешенному вопросу после того, как мы все зажевали по куску мяса. Айша, как я и ожидала, больше одного не осилила. — Ты можешь как-нибудь адаптировать для обывателя, что значит «квазар» и можно ли помочь девочке?

— Квазар, — со вздохом начинает духовник, — это и значит, что она вся уходит в распыл, потому что не может управлять своей силой. Что касается помощи... — Он хмурится и пару секунд рассматривает слипшиеся волосы девочки. — Обычно таких детей в младенчестве запечатывают. Девочек просто на всю жизнь, а мальчиков — пока не настанет срок им пойти в духовное учение.

— Ну, а ее можно запечатать? — продолжаю расспрашивать я.

— Лиза, ты сегодня нарочно тупишь? — выплевывает духовник. — Я же сказал, в *младенчестве*! Это можно сделать, только пока зубы не прорезались. Теперь поздно, она сроднилась с силой, если запечатать — не выживет. Ты вот лучше скажи, у нее... — он запинается, переходит на шепот и, к моему удивлению, краснеет, — ну эти... дела... женские — начались?

— Нет еще, — заверяем его мы с Киром. Я кошусь на ребенка — он-то откуда знает?

Алтонгирел, однако, мрачнеет еще больше. Айша у него на коленях притихла и, кажется, отключилась от брэнного мира, только моргает иногда.

— Плохо, — сообщает Алтонгирел. — Если б начались, можно было бы попробовать отдать ее в учение, а так ждать придется. Не знаю, доживет ли. Надо с Ажгдийдимидином консультироваться, а ты знаешь, как он относится к безродным.

Айша, если это вообще возможно, обвисает еще сильнее. Кир хмурится.

— А обязательно именно с ним? — поджимаю губы я.

— Он сам был квазаром в детстве, — объясняет Алтонгирел. Я поднимаю брови. — Да, вот, понимаешь теперь, какие духовники из них получаются. Но квазары не рождаются больше одного на поколение. Ажгдийдимидина самого в детстве не распознали, вовремя запечатать не успели, и он еле дотянул до обучения, был одним из самых юных духовников за

всю историю. Но он мужчина, для мужчин есть предпочитаемый возраст начала обучения, однако он не обязательный, можно и раньше. Девочка же, пока не станет женщиной, в принципе не может управлять своей силой.

— А нельзя ее как-нибудь, — встречается Кир, — ну, типа подпитывать? Чтобы она не такая дохлая была? Ну вроде как вот вы, Лиза, ставите капельницы с сахаром тем, кто есть не может, или там с искусственной кровью...

— Человек так сделать не может, — решительно отрезает Алтонгирел. — Только бог. Но богам она, видать, не очень-то нужна...

Кир строит мне отчаянные гримасы, намекая на что-то. Да сама догадалась, спасибо.

— Я могу Ирлика попросить, — напоминаю я духовнику.

Он морщится.

— Ты забываешь, что он тебе уже давно ничего не должен. А быть в долгу у бога — не лучшее, что можно придумать. Сама посуди, чем ты с ним рассчитаешься?

— Рыбой? — усмехаюсь я. — Ну или могу его вышить крестиком во всю стену. Вообще, можно у него самого спросить, что почем.

Алтонгирел снова уставляется на девочку у себя на руках. Как-то он с ней сроднился, прям прирос. Видно, что мучается сомнениями, но в итоге решается:

— Ладно, я не твой духовник, не мое дело тебе советы давать, а со своим духовником ты все равно не общаешься. Делай как хочешь. Только где ты возьмешь Ирлик-хона посреди зимы?

— Ну-у... — Я оглядываюсь. — Кир, ты глазастый, посмотри, нигде вокруг не видно маленького рыжего зверька?

Кир старательно осматривается, потом вылезает наружу и вскарабкивается на купол унгуца — за что уж там можно уцепиться? — и крутится на месте, пока наконец не замечает что-то в стороне леса.

— Есть! Вон сидит, на куницу похожий такой.

Я снова вытряхиваюсь в снег и всматриваюсь в рыжую точку далеко среди деревьев.

— Кис-кис-кис... — зову растерянно. А как подзывают мангустов? — Э-э... Рики-тики-тави?..

В конце концов, когда я дохожу до «гули-гули», мангуст догадывается, что это к нему обращаются, и подбегает поближе, высоко подпрыгивая и ныряя в глубокий снег. Он весь распушился и явно мерзнет, уж очень тут погода не мангустовая.

— Лапочка, можно с тобой как-нибудь хозяину передать послание? — спрашиваю, не очень соображая, какого ответа я жду. Мангуст тоже смотрит на меня озадаченно, растопырив уши. — Мне бы с Ирлик-хоном поговорить, — поясняю.

Мангуст склоняет голову набок и хлопает длинным пушистым хвостом по снегу: раз, два, три... и кувыркается, внезапно пропав из виду.

— Ух, холодина! — слышу я за спиной знакомый голос. Оборачиваюсь — и точно, Ирлик в обличье Змеелова сидит рядом с Киром на куполе унгуца и ежится от холода, несмотря на пушистый лисий полушубок и толстые замшевые штаны. — Лиза, ты не могла меня куда потеплее пригласить?

— Извини! — пугаюсь я, еще не хватало простудить его. — Сейчас унгуц открою, в нем тепло!

Кир во все глаза таращится на бога и вслед за ним соскальзывает в салон. Технически унгуц у нас пятиместный — два сиденья впереди, три сзади. Вот на передние и

приземляются Кир с Ирликом, а на задних не так уж много места: с одной стороны Алтонгирел с полулежачей Айшей, а с другой — просторный фильтрующий полог над Алэком в перевозной колыбельке. Я еле втискиваюсь. Алэк от всех перемещений просыпается, так что все равно приходится взять его на руки. Он радуется знакомому дяде и машет ручкой, Ирлик в ответ подмигивает. Алтонгирел, кажется, забывает дышать.

— Да-а, тут потеплее будет, — замечает Ирлик, передергивая плечами. — Так что у тебя тут стряслось?

— У нас тут девочка, — неловко объясняю я, — вот... к-кварар.

— Это я вижу, — кивает Ирлик, по-прежнему озадаченный.

— Я просто подумала, не мог бы ты ей как-нибудь помочь?

Ирлик легонько сдвигает брови.

— Она... — хрипло заговаривает Алтонгирел, прокашливается и продолжает не своим, нервным голосом: — Элизабет имеет в виду благословение стихий.

— Да я понял, — кивает Ирлик. — Я вообще по-человечески хорошо понимаю.

Алтонгирел бледнеет, Кир хихикает, а Ирлик становится коленями на сиденье, перегибается через спинку, нависнув над Айшей, и принюхивается. Мне кажется, у него даже нос удлиняется от усердия.

— Здравствуйте, — сипит Айша и улыбается, но Ирлик никак не реагирует.

— Не, — произносит он наконец, втягиваясь обратно и садясь себе на пятки. — Она в месяц Учока родилась, так что это не ко мне.

— Ты совсем ничего не можешь сделать? — расстраиваюсь я.

— Мочь-то я могу, но вот потом триста лет прятаться от Учока по всей планете в мои планы не входит, — усмехается Ирлик. — Было б дело летом, я бы еще отмазался, а сейчас его сезон, так что извиняй, хозяйка, тут политика. А чего ее в детстве не запечатали?

Я пожимаю плечами, но Айша вдруг отвечает сама:

— Не смогли.

— Как это не смогли? — возмущенно спрашивает Алтонгирел.

— В деревне, где мы жили, духовник пытался, но не смог. А ехать в город у отца денег не было.

— Что-то Учок разошелся, — замечает Ирлик. — На одном фронте гадит, на другом халтурит. Жена ему изменяет, что ли...

— Э-мм... Слушай, Ирлик, — говорю я, не очень желая выслушивать подробности половой жизни богов, — как ты считаешь, она в таком состоянии доживет до обучаемого возраста?

— Хотите ее на духовника учить? — хмыкает Ирлик. — Интере-есная идея. Только ничего не выйдет, из нее так шарашит, что никакая учеба впрок не пойдет.

Алтонгирел заметно сникает. Мне тоже жалко девочку, и Кира жалко, он так надеялся, что удастся ее вылечить...

— Ну мы можем хоть что-нибудь сделать, чтоб ей помочь? — спрашиваю его.

Ирлик пожимает плечами.

— Можешь Учока попросить, но осторожно, он подлюка такая... Плату берет только вперед, чуть недоглядишь, прошлое изменит.

— А какую плату-то?

— Подарок какой-нибудь, — поясняет Ирлик. — Золотишко, меха... Но ему надо по всей форме, с отправлением на ритуальном костре и прочими красотами.

— Слушай! — хлопаю себя по лбу. — Я ж ему гобелен сплела!

Мало мне хлопка по лбу, еще и тычок в ребра получаю от Алтоши. Ирлик принимает высокомерно-оскорбленный вид.

— Я тут, значит, прибегаю по первому зову, а она этому вороньему сыну гобелены плетет!

— Ну, И-и-ирлик! — Я складываю ручки домиком. — Не сердись, я просто хотела его задобрить, чтобы он перестал нам пакости делать. Хочешь, я тебе еще сплету? Или вышью? Два раза?

Ирлик прищуривается:

— А ты красиво вышиваешь?

— Красиво! — с готовностью отвечаю я.

— Ну ладно, — соглашается он. — Так и быть, прощаю. Но жду от тебя портрет, и чтоб большой и красивый был!

— Хорошо-хорошо! — часто киваю я. — Вот вернусь домой и засяду!

— Можешь не спешить, я бессмертный, — усмехается бог. — А Учок теперь тебе и правда должен, можешь попробовать с ним поговорить.

— А это сложно? — уточняю я.

— Сложно, — серьезно кивает Ирлик и переводит взгляд на Алтонгирела. — Ты, духовник, не Старейшина пока, так ведь?

Алтонгирел прямо сидя вытягивается по струнке и рапортует:

— Старейшиной не являюсь, простите неразумного!

— Да ты передо мной-то не выделывайся, — дружелюбно говорит Ирлик. — Эту манеру лучше для Учока прибереги, он по-человечески не понимает. А ты, Лиза, учись. С другими богами вот так говорить нужно, иначе ничего не добьешься.

— Я так не умею, — развожу руками. — Я вообще по-муданжски так себе говорю.

— Это да, — соглашается Ирлик и кривится. — А ты, значит, духовник, раз не Старейшина, то и формул преподнесения не знаешь, так?

— Не положено, — лепечет Алтонгирел. — Простите...

— Знаю, знаю, не занудствуй, — перебивает его Ирлик. — Раз так, то доставай ручку там или что, записывай, диктовать буду.

Мы с Алтошей синхронно извлекаем наладонники.

— Техники-то, техники, — качает головой Ирлик. — На бумажку запишите, а то, как Учок явится, у вас вся эта техника вырубится к шакалам, он же не знает, как она устроена.

Мы принимаемся рыться в вещах в поисках бумажки, точнее, конечно, пластика, откуда тут бумаге-то взяться... Положение спасает Кир, извлекая из кармана куртки, надетой на Айше, свернутую трубочкой тетрадку с упражнениями по муданжскому и карандаш. Алтонгирел пытается ее перехватить, но Ирлик отдает мне.

— Тебе говорить, ты и записывай.

Так что Алтоше ничего не остается, как все-таки строчить в наладонник, а Алэка у меня принимает Кир, а то мелкий чересчур интересуется шуршащими бумажками.

— Итак... — Ирлик умудряется сложить ноги лотосом на своем переднем сиденье, при этом задевает что-то на пульте управления, от чего включается музыка. — А ну тихо! — рывкает он на унгуц, и машинка послушно затыкается. Чую, не слышать нам тут больше музыки... — Так вот, — продолжает Ирлик. — Сейчас мы отсюда выйдем, посадим девчонку в сугроб, дадим ей в руки какой-нибудь фрукт... Лиза, у тебя найдется заваливающая хурма или

еще что?

— А разве не тыкву надо? — набирается смелости встрять Алтонгирел.

— Облезет и неровно обрастет этот Учок, тыкву ему еще, — кривится Ирлик. — Сойдет и клубень чомы.

Я меж тем откапываю пакет с фруктами, которые мы собирались раздать детям, но не успели пока.

— Вот, есть хурма, обезьяньи серьги, нуговые ягоды...

— Бери хурму. Итак, посадим мы ее с хурмой, ты, Лиза, встанешь у нее за спиной и скажешь молитву призыва. Записывай: *О великий, светозарный, неботрясущий, грозный, вечно почитаемый нами господин наш Учок*, — с непередаваемым отвращением диктует Ирлик. — *Долгая тебе лета, красное тебе солнце, белая тебе вода, жирная тебе земля.* Лиза, не пропускай «тебе», а то он не поймет. Так, хорошо, дальше пиши: *Неразумные и несчастные почитатели твои, мы нижайше молим тебя своим присутствием наше скудное обиталище осенить.*

— А разве не надо говорить «несчастные рабы»? — снова встречается Алтонгирел.

— Ты духовник, тебе надо, — поясняет Ирлик. — А она свободная женщина. Так, что там дальше... *Да отверзнутся небесные врата, дабы смог луч солнца обратиться дорогой, по которой лежит твой путь в наши...* ну, скажем, *дикие леса.* Мы же в лесу будем призывать, правильно?

Я вообще не помню, когда последний раз что-то писала от руки, почерк у меня корявый, а скорость маленькая, строчу, высунув язык, едва успеваю. На счастье, Ирлик делает паузу.

— Слушай, а почему так сложно? — не выдерживаю я, переводя дух. — Это правила вежливости какие-то?

— Да нет, говорю же, он по-человечески не понимает, — поясняет Ирлик. — Ты привыкай, таких, как он, большинство, это я... как это называется? Вольнодум. За что меня и не любят, собственно. Ладно, пиши дальше, еще много.

Я исписываю полтетрадки формулами приветствия и благопожеланиями, когда Ирлик вдруг останавливается и делает глубокий вздох, обдавая нас с Алтошей горячим медовым дыханием.

— А теперь самое веселое, — предупреждает он, сверкая зубами. — Поскольку гобелена у тебя с собой нет, то придется прочитать формулы преподнесения, а они на древнем языке.

— Так я ж его не знаю... — обалдеваю я.

— Вот потому я и говорю, что самое веселое, — поясняет Ирлик. Волосы у него распущены и затеняют лицо, так что хорошо видно только блеск глаз и зубов в кровожадной улыбке, и мне становится не по себе. — Я продиктую по буквам, а ты уж записывай как хочешь. Слушай.

Дальше он производит последовательность звуков, часть из которых напрочь отсутствует в современном муданжском.

— Погоди-погоди, — прерываю я. — Я не понимаю, какими буквами это записывается.

— Какими хочешь, лишь бы прочитать смогла. Слушай еще раз.

Со второго раза я вывожу три строчки — муданжским, всеобщим и родным алфавитом попеременно.

— Я это не прочту, — говорю в ужасе, глядя на бессмысленные значки.

— Прочтешь, куда денешься, — успокаивает Ирлик. — Может, не с первого раза, но

прочтешь.

— Ага, а Учок будет стоять и ждать.

— Будет, а что ему останется, — ухмыляется Ирлик. — Если уж ты его вызовешь, то он не сможет уйти, пока не отпустишь.

— Может, мне заранее потренироваться? — с опаской спрашиваю я. Не нравится мне идея, что какой-то бог будет стоять и слушать мои потуги. Я бы на его месте меня быстро пристукнула.

— Ни в коем случае! — серьезно отвечает Ирлик. — Если тебе удастся произнести все правильно до того, как Учок будет здесь и выслушает приветствия, получится чудовищное хамство. Не волнуйся, не заржавеет подождать, пока ты справишься. Давай, пиши дальше.

И я пишу.

Мы выходим из унгуца и, воровато оглядываясь, топаем в лес. Комичнее всего выглядит Ирлик — он с ног до головы завернут в белый флисовый плед, потому что мерзнет в человеческом облике, а в божественном его Учок сразу узнает.

— А он вас точно не узнает *так*? — осторожно спрашивает Кир.

— Под белым пледом точно нет, — успокаивает Ирлик.

— Он серьезно настолько тупой? — понизив голос, удивляется Кир.

Алтонгирел возмущенно шипит и пытается отловить Кира за ухо, но это очень трудно сделать, когда несешь на руках большую девочку, так что ребенок уворачивается.

— Да он, конечно, умом не блещет, — спокойно отвечает Ирлик. — Но дело не в этом. Учок — из старших богов, он по-другому воспринимает мир, чем мы, младшие. Для него символ равнозначен реальному присутствию. Со мной так тоже бывает, но я стараюсь не поддаваться. Это трудно... Вроде как глаза видят, а потрогать нельзя. Иногда забываешь, трогаешь, а там пустота. Очень обидно бывает.

— Так не получится, что я Учока с этим гобеленом как бы... надую? — опасливо интересуюсь я.

— Его-то нет, — отмахивается Ирлик. — Говорю же, он из старших. Для него что глаза видят, то и правда. Старшим гораздо легче жить. А вот я, да Умукх, да Укун-Тингир, мы бродим в полутьме. Ну да что я тебе это рассказываю, у тебя свои, человеческие проблемы. Хватит уже идти, у меня ноги заоченели!

Мы останавливаемся не то чтобы на полянке, но деревья тут немного пореже. Ирлик указывает на холмик впереди.

— Духовник... — начинает он, потом сдвигает брови и на пару секунд задумывается: — Алтонгирел. Клади девочку сюда.

Алтоша так обалдевает от того, что бог вспомнил его имя, что не сразу выполняет указание. Ирлик, впрочем, не замечает.

— Лиза, ты с ребенком становись у нее за спиной.

— А зачем с ребенком-то? — хмурюсь я, поудобнее перехватывая Алэка.

— Затем, что, когда мать с ребенком просит, отказать невозможно, — как само собой разумеющееся поясняет Ирлик. — Алтонгирел, ты будешь ей бумажку держать. А ты, пацан, давай ко мне под плед, тебя Учок не любит, нечего его провоцировать. И всем молчать, кроме Лизы. Я, если что, слова подскажу, но лучше бы без этого.

— Алэк может высказаться, хотя слов он пока не говорит...

— Детям простительно, — перебивает меня Ирлик. — Давай начинай быстрее, очень

уж холодно, а ты долго будешь продираешься. Если с первого раза не получается, читай второй и третий, пока не получится. Учок за временем не следит, хоть вечно тут будет стоять. Ну все, мы прячемся.

Подтянув к себе Кира и запахнув поплотнее плед, Ирлик в самом деле ложится в снег и более-менее сливается с местностью. Кир еще немного ворочается, устраиваясь, и в итоге мне видны только два любопытных носа под белым козырьком.

Алтонгирел, стоящий у меня за спиной, открывает первую страницу записей и сует мне под нос. Я начинаю читать.

Надо отдать должное Ирлику, он очень четко указал, где кончается каждая часть, которую можно повторять отдельно. Первую я прочитываю четыре раза, прежде чем от нее происходит какой-либо толк.

Толк выглядит как луч красноватого света, как будто бы прямо от солнца, падающий в сугроб метрах в трех передо мной. Сосны по обе стороны начинают мелко дрожать, как бы в порыве внезапного ветерка, но уж очень интенсивно. Иголки и шишки с них осыпаются, но не на землю, а висают в луче кружащимся облаком. Свет напоминает закатный и живописно играет на хвое, взвешенной в воздухе. Постепенно смесь уплотняется и складывается в подобие человеческой фигуры — рыхлое, темное, шипастое и с красноватыми отблесками.

Айша, которая сидит опершись спиной о мои ноги, прерывисто вздыхает. Алэк у меня на руках замороженно рассматривает явление перед нами. Алтонгирел держит листки у него над головой, рука его дрожит.

— Дальше! — слышу я надрывный шепот слева, не понимаю только, это Ирлик или Кир мне командуют. Но что это я, действительно. Надо же продолжать.

Я честно прочитываю следующий кусок, в котором здороваюсь и желаю тому, что стоит передо мной, бесконечного блага. Не знаю уж, как я должна понять, что мои слова услышаны.

— Еще раз! — шипит над ухом Алтонгирел.

Я послушно повторяю. О, теперь вижу, что проняло, — у стога шишек появились глазки! Точнее сказать, два красных прожектора. Они недолго шарят по снегу и деревьям вокруг, к счастью, не задерживаются на белом пледе, под которым сидят Ирлик с Киrom, и нацупывают меня. Ощущение именно такое, как будто меня щупают чем-то теплым и мокрым, причем прямо под одеждой. Я взвизгиваю и отшатываюсь, упираясь спиной в Алтонгирела.

— Тихо! — шикает он.

— Ты знаешь, как это гадко?! — возмущаюсь я.

— Не разговаривай, читай дальше!

К счастью, омерзительное ощущение ослабевает, хотя и не исчезает совсем. Однако дальше следует та самая абракадабра из трех алфавитов. Я поглубже вздыхаю и пытаюсь успокоиться, а заодно уложить дрожащую руку духовника себе на плечо, а то буквы очень прыгают перед глазами.

Начинаю читать и сбиваюсь на пятой букве. Начинаю заново — на третьей. Снова глубоко вздыхаю, третья попытка более успешная — две строчки. Но, увы, их там три.

Не знаю, сколько раз я пыталась воспроизвести всю «формулу преподавания», как Ирлик ее назвал, но за это время успело стемнеть. Прожекторы Учока продолжают меня буровить, Ирлик там, наверное, уже оледенел, Азамат нас ищет...

Меня кто-то хватает за лодыжку. Не знаю, каких нечеловеческих усилий мне стоит не завизжать, но я все же сжимаю глотку, памятуя, что говорить нельзя.

— Повторяйте за мной, — шипят мне снизу.

Я понимаю, что это Айша говорит. Она-то откуда знает слова? Запомнила?

Но я послушно повторяю. То, что я слышу, очень похоже на то, что мне надо сказать, а повторять со слуха все-таки гораздо проще, чем разбирать мои каракули. С первой же попытки мне удастся, я вижу какие-то изменения и так радуюсь, что чуть не забываю, что это еще не конец...

А изменения меж тем не шибко радостные. У существа из иголок открывается клюв. Длинный, красный. С зубами. Две мохнатые лапы отделяются от тела и повисают в воздухе, простерты ко мне, безо всякой связи с телом.

Айша продолжает говорить монотонно и неторопливо, что, конечно, хорошо, потому что я успеваю повторять, но как-то мне уже хочется побыстрее перейти к следующей фазе. К счастью, Учок не приближается ко мне, а то бегать бы мне по этому лесу, пока ноги несут...

После очередного куска абракадабры под диктовку Айши в воздухе повисает призрачная копия моего гобелена с Учком, и мохнатые пальцы смыкаются на его углах. Ну вот, конец-край близок. Осталось попросить его за Айшу, и все.

И я должна была бы сообразить, что для манипуляций над Айшей ему придется подойти поближе. Девочку поднимает в воздух, она безвольно висит, опустив голову, как некачественная марионетка. Она продолжает мне диктовать, но с трудом, как будто забывает, что делает. Видимо почувствовав это, она ускоряется, и я на последнем дыхании тараторю за ней. Хвала небесам, последний отрывок на древнем языке кончается прежде, чем она отключается совсем, а дальше уже снова по-муданжски. Через секунду после того, как я выдыхаю последнее слово, Учок приближается вплотную и втягивает Айшу в себя, то есть в смерч из хвои, который он собой представляет. Не знаю, куда он дел гобелен, я была слишком занята, чтобы следить. Красные глаза бога шарят по мне и по притихшему на руках Алэку. Тепло из-за моей спины исчезает — это Алтонгирел уронил тетрадку и кинулся ее поднимать.

Учок поднимает мохнатую лапу и протягивает ее к Алэку. Я в ужасе прижимаю ребенка ближе. Хвоя колышется как бы в такт дыханию, меня прошибает пот, я пытаюсь шагнуть назад, но не могу, ноги приросли, Алэк принимается хныкать. Я погибаю вся сама в себя, лихорадочно заворачивая ребенка в полы шубы, пуговицы брызжут веером во все стороны. Нет-нет-нет, только не мою деточку! Учок вздрагивает от удара пуговицы, наклоняется ко мне, задевая мохнатым клювом мои волосы, и все-таки дотягивается лапой до Алэка. Гладит его по голове. И вдруг вся хвоя падает на землю вместе с Айшей, свет меркнет, и мы остаемся в полной темноте и тишине, Алэк возмущенно сопит у меня на руках.

Тишина длится недолго. Ее пререзает нечеловеческий визг Айши. Я разрываюсь между ней и Алэком, но Алтонгирел удерживает меня.

— Читай благодарность! — орет он, сует мне тетрадку и бросается вперед, переворачивает девочку на спину, стряхивает с ее лица хвою.

Айша визжит изо всех сил, и кто бы подумал, что их у нее столько. Я еле разбираю слова в густых сумерках, пытаюсь читать, держа Алэка одной рукой. Внезапно снова становится светло — это включаются фары унгуца, направленные прямо мне в спину. Воспользовавшись возможностью, я быстро дотарабаниваю остатки текста. Как раз вовремя — в следующую секунду до меня добегают Азамат.

— Лиза! — Он хватает меня за плечи. — Что вы тут делаете, мы вас обыскались! Почему она...

Нас окружают люди, Айша продолжает визжать с краткими перерывами на вдох, Алтонгирел держит ее за руки и что-то бормочет, но непохоже, чтобы это имело эффект. Алэк у меня на руках выглядит живым и здоровым, только очень недовольным, но папе радуется.

Из-под снега, а вернее, из-под пледа вылезают несколько поддубевший Кир и мрачный Ирлик. Последний, даже не оглядываясь по сторонам, трансформируется в свою божественную форму среднего размера.

— О боже... — выдыхает Азамат, замечая светящуюся фигуру Ирлика.

— А-а-а-а-ах! — нараспев протягивает упомянутый боже. — Тепло-о-о-о!

Надо ли описывать, что происходит вокруг... Гхан валится в снег, дети кто вопит и бежит, кто замер на месте и забыл дышать. Кир деловито отряхивается, не спеша отходить от Ирлика, который теперь производит тепла примерно столько, сколько давал бы костер того же размера.

Айша продолжает орать.

— Азаматик, поддержи Алэка, пожалуйста, — выдавливаю я, снова обретая способность соображать. Алэк уже и сам тянет ручки к папе. Еще бы, мама-то вот без ума оказалась, втянула деточку во что-то непотребное.

Азамат, еще не совсем, мягко говоря, разобравшийся в ситуации, послушно подхватывает у меня мелкого.

— Объясни что-нибудь! — молит он, заглядывая мне в глаза.

— Спасаем Айшу, Ирлик помогает, она типа духовник! — выпаливаю я и кидаюсь туда, где Алтонгирел по-прежнему пытается колдовать над несчастной девочкой.

— Ирлик, почему она не в порядке?! — вопрошаю я.

Бог присаживается рядом, щекоча меня перьями и обдавая жаром.

— Сквозь нее бьет поток. Очень много силы покидает ее, но еще больше вливается. Это больно. Алтонгирел, ты можешь ей помочь, если покажешь, как собрать всю силу в единый поток, тогда его можно будет подчинить дыханию.

— Знаю! — истерично и повышенным тоном отвечает духовник. — Пытаюсь, не могу! Силы слишком много!

— Ты не поэтому не можешь, — спокойно возражает Ирлик. Завидую его невозмутимости. — Ты боишься прикоснуться к женщине.

Алтонгирел вытаращивает на него блюдцеобразные глаза, шевелит губами, но возразить не решается, только снова поворачивается к Айше, мечущейся на усыпанном хвоей снегу.

Я беру его за запястье.

— Успокойся, — предлагаю, хотя сама далека от спокойствия. — Ты можешь это сделать. Вон даже Ирлик в тебя верит. Мы же знаем, что ты эпически крут. Я понимаю, что разведывать новое страшно. Но иногда это необходимо. И куча людей постоянно это делают, вполне успешно. Знаешь, как мне сегодня было страшно? Но я справилась, хотя для меня все происходящее было совершенно вчуже. Для тебя же тут твоя работа, и новизна очень небольшая. И ты не один, и у тебя не отберет ребенка злобный бог. Ну давай, Алтонгирел, ты справишься!

Не знаю уж, моя речь возымела какое-то действие или просто духовник собрался с силами, но он все-таки начинает шевелиться. Берет Айшины руки в свои, сгибается над ее

лицом и, уперев губы ей в лоб, принимается шептать. Айша уже охрипла от криков, и сквозь ее каркающие стоны я частично слышу слова Алтонгирела.

— Вдохни и держи все внутри, хоть пару мгновений, вдохни и держи. Пожалуйста, у тебя достаточно для этого сил, я знаю, что больно, но вдохни и держи...

Айша пару раз безуспешно пытается задержать дыхание, на третий ей это удается. Она беспомощно дергается, надув щеки, по вискам катятся слезы, и все ее тело выгибается, но она честно держит дыхание и не издает ни писка.

— Молодец, держи как можно дольше! — подбадривает ее Алтонгирел. — А теперь повторяй за мной в уме.

Он быстро проговаривает какую-то несложную молитву. Девочка закрывает глаза, видимо сосредоточившись на повторении.

— Терпи сколько можешь и еще немножко, — продолжает духовник и повторяет молитву.

После третьего повтора Айша вдруг расслабляется, перестает дергаться, а потом постепенно выпускает дыхание и лихорадочно вдыхает снова.

— Спасибо! — хрипло выдавливает она непонятно кому. Слово вылетает из ее рта облачком золотистой пылицы, которая оседает на мне и духовнике.

Алтонгирел нехотя разгибается и поднимается с колен, помогая девочке встать. Она стоит сама, шатко, но без прежнего неестественного напряжения. К ней тут же подскакивает Кир, чтобы поддержать. Духовник трет между пальцами пылицу и мрачнеет.

— Тебе нельзя говорить, пока не научишься управлять своей силой в совершенстве, — хмуро сообщает он.

Айша открывает было рот, но тут же захлопывает его ладошкой.

Я оглядываюсь.

Ирлик стоит в нескольких шагах, довольно созерцая результат своего вмешательства. Азамат успокоил Гхана и детей и отогнал их в сторонку от нас и от бога.

— Что теперь? — спрашиваю я Ирлика и Алтошу.

Ирлик жестом передает слово духовнику.

— Ее мы заберем с собой, — решительно говорит тот. — Я попытаюсь найти ей учителя. Начну с Ажгдийдимидина, но это вряд ли... Надеюсь, хоть в провинции ее кто-нибудь возьмет. В любом случае пока что учиться ей рано.

Я облегченно вздыхаю. Этот квест пройден. Хлопаю его по спине и топаю к мужу, который покачивает на руках сонного и сердитого ребенка.

— Как Алэк? — спрашиваю тут же.

— Нормально, — озадаченно отвечает Азамат. — А что?

— Его Учок погладил по голове, — с содроганием поясняю я. — Что это значит, вообще?

— Благословил, — раздается за спиной голос Ирлика.

— С чего вдруг? — хмурюсь я.

— Тебе хотел приятное сделать, — хитро подмигивает Ирлик, подойдя к нам.

— Мне приятное? — щурюсь я. — Это с какого перепугу?

— Любит самоотверженных, — поясняет Ирлик. — Ты ради какой-то чужой безродной девочки вызвала страшного бога, да еще отдала ему свою работу — это немало стоит.

— А почему ты мне этого заранее не сказал? — елейным голосом интересуюсь я. — Я там чуть не рехнулась от страха!

— Вот именно. Он любит, когда боятся. Если бы корысть почуял, ни за что бы не благословил, — скалится Ирлик.

— Да мне как бы оно и не очень нужно было, — ворчу я.

— Зато мне нужно, — щерится Ирлик еще шире.

— Тебе-то зачем? — удивляюсь я.

— А затем, что я его обдурил! — весело сообщает Ирлик и принимается хохотать. — Он со мной поспорил, что ни за какую хурму не благословит нового князя, потому что я уже благословил. Но он тебя не узнал, потому что не умеет думать по-человечески. Не могло ему в голову прийти, что Хотон-хон будет просить за чужого ребенка. В итоге он мне проспорил, да еще ты теперь вышивку должна! Ну я ли не красавец?

Я вынуждена признать, что да, действительно красавец.

— Ирлик-хон, — осторожно спрашивает Азамат, — а вы не знаете случайно, кто Лизе прислал черные нитки для гобелена?

— Знаю, как не знать! — покатывается Ирлик, сверкая золотыми зубами. — Один знакомый горец!

— Ладно, ты мне вот что скажи, интриган, — говорю я, чувствуя, как наваливается усталость. — С Алэком и с Айшей все будет хорошо?

— Обижает, Хотон-хон! Конечно! — заверяет меня Ирлик. — Я когда одно делаю, другого не порчу.

— Ну слава тебе, яйца... э-э... драконьи, — заключаю я. — Можем спокойно лететь домой.

— Можете-можете, — поддакивает Ирлик. — Я зайду вас проведать через несколько дней.

— Заходи, солнце, — соглашаюсь я.

— Будем рады, — кивает Азамат. — А сейчас, я думаю, пора расходиться. Мы свою миссию здесь выполнили, а детям спать пора.

— Грузитесь в машину, — делает Ирлик приглашающий жест. — Я вас домчу с ветерком, я сегодня добрый.

Мы опасливо переглядываемся, но спорить с Ирликом не хочется. Азамат спешно прощается с Гханом, Кир с Алтонгирелом провожают самоходную Айшу до унгуца, мы залезаем внутрь и не торопясь взлетаем.

— Ну держитесь! — раздается на весь салон голос Ирлик-хона. — Раз... Два-а... Три!

Мы едва успели вцепиться в поручни, как машина рванула на юг с нечеловеческой скоростью, так что облака замелькали внизу, как верхушки деревьев. Оглянувшись, я вижу в заднем стекле сияющий золотой оскал и огненный хвост, пускающий по небу искры. Пятнадцать минут турбулентной жути — и мы дома.

Над парковкой Ирлик отцепляется, с улюлюканьем проделывает в воздухе троекратное сальто, освещая ночь божественным пламенем, и уносится обратно, в зубы Короула.

Мы вытряхиваемся на снег и долго, медленно бредем к дому по занесенной тропинке.

— Айша, а как ты с первого раза запомнила текст? — спрашиваю я, засыпая на ходу.

Айша смотрит на меня недоуменно, тут я вспоминаю, что ей же нельзя говорить.

— Она не запомнила, — отвечает Кир. — Она просто заснула, Ирлик-хон ей приснился и заставил ее говорить во сне.

Айша изумленно смотрит на Кира и виновато на меня.

— Ладно уж, — говорю. — Все молодцы. Главное, что мы справились...

Азамат берет меня под локоток и ускоряет шаг, как бы отводя меня подальше от остальных.

— Лиза, — тяжело произносит он, — я тебя посажу под домашний арест.

— Чего это? — вяло возмущаюсь я, хотя сама прекрасно понимаю чего, да и перспектива не ввязываться ни в какие приключения в ближайшие лет десять меня тоже радует.

— Того! — восклицает Азамат. — На полчаса нельзя одну оставить, натащила богов, напугала людей... Ты должна своим поведением подавать пример всем женщинам планеты, а ты тут устраиваешь шакал знает что!

— Если бы все женщины планеты в самом деле брали с меня пример, Айша бы не чахла в этом приюте, — замечаю я. — Но ты прав, яхватила лишнего. На домашний арест согласна, все равно в ближайшее время вся моя жизнь будет посвящена вышиванию. Я вполне эффективно сама себя наказала.

— Посмотрим, сколько ты выдержишь, — усмехается Азамат, открывая передо мной дверь.

Он уже не сердится, и я его понимаю. Сама на него сердиться дольше двух минут не могу. Хочет запирачь — пускай запирает. У меня дети не мыты, кошки не глажены, работа не работана и Алтонгирел не посрамлен. От богов я бы в ближайшее время отдохнула...

Отмытая Айша оказывается весьма симпатичной и все утро вместе с Киром исследует способность к двуногому прямохождению — бегом с третьего этажа на первый и обратно. В моей юбке, Кировой мешковатой футболке, с длинными, распушившимися после мытья волосами она выглядит весьма по-ведьмински, особенно когда улыбается — зубы у нее мелкие и острые.

— И чего так носиться? — ворчит степенный Арон, ковыряясь в завтраке.

Арон от моих приключений натерпелся страху больше всех. Выходит после ужина в гостиную, а едва законченный гобелен пропал. Рамка стоит, а работы нет, только несколько хвоинок на ковре валяются. Бедняга удрал к себе на третий этаж, заперся там и сидел молился до самого нашего появления. А уж когда увидел Ирликовы финты в небе, чуть концы не отдал. Хорошо, Азамат решил к нему заглянуть, сказать, что мы вернулись, а то до утра поседел бы, наверное.

— У нее избыток энергии, — отвечает Алтонгирел покровительственно, но немного уныло. Видать, ему тоже поднадоел топот по голове.

— Кир, — зову я, когда дети в очередной раз показываются в пределах видимости. — Вы не хотите пойти погулять?

— Хотим! — выпаливает раскрасневшийся Кир. — Но у Айши нет зимней обуви, а наша ей вся сильно велика.

— Вот блин, — вздыхаю я.

Азамат закладывает в Алэка очередную ложку пюре и смотрит на часы.

— Ничего, скоро ма прилетит, пойдем рыбу ловить, а в лодке сидеть все равно в чем — хоть пледом ноги замотай.

— Ты хочешь взять девчонку на рыбалку? — хмурится Арон.

Азамат кивает, Айша подпрыгивает на месте, а Алтонгирел неожиданно прыскает со смеху.

— Лодку побольше бери, а то рыба не поместится.

— Это ты о чем? — моргает Азамат.

— Квазар вокруг себя всех питает, рыба сбежится... смотри кита не поймай.

— О как! — ухмыляется Азамат. — Ладно, далеко заплывать не будем, у меня тут большой лодки нет, чтобы кита вытянула.

Я слушаю их одним ухом, в то время как основное мое внимание поделено между завтраком и Бэровыми иллюстрациями к биографии Ирлика. Вышивку-то из чего-то делать надо... Картинки, конечно, замечательные, но все-таки Ирлик не совсем на себя похож. У него очень узнаваемое, выразительное лицо, а Бэр с моих слов только приблизительно смог его воспроизвести.

— Слушайте, народ, — задумчиво произношу я. — Как думаете, Ирлика можно сфотографировать?

На меня воззряются три пары настороженных глаз.

— А вам зачем? — подозрительно спрашивает Арон.

— Он, наверное, не отпечатается, — рассудительно замечает Азамат.

— Ты с ума сошла, бога снимать? — шуруется Алтоша.

— Да я вот думаю, как бы мне так его вышить, чтоб похож был... — поясняю я. — По

фотке можно сделать схему, а так... Ну не из головы же я буду его изображать!

— А где вы собираетесь его фотографировать? — озадачивается Арон.

— Так здесь же, он на рыбу-то придет, я думаю, — пожимаю плечами.

Азамат шикает, но поздно.

— Что, прям сюда придет?! — ужасается Арон. — Повелитель Подземного Царства?!

— Ага, именно, — угрюмо отвечает ему Алтонгирел. — И не в первый раз. А нам с тобой предлагается расслабиться и не бояться, *он ведь такой милый*, — заканчивает он, пародируя мою интонацию.

Арон нервно хихикает.

— Да ладно, он правда классный! — заступает за Ирлика Кир, примериваясь, как бы так незаметно свистнуть со стола колбаску-другую. Они с Айшей уже два раза позавтракали, но голодное детство не позволяет спокойно пройти мимо еды.

— Не кусочничай, — ворчу я, прослеживая направление ребенкова взгляда.

— Кто, я? — Кир делает невинную мордочку. — Да вы что, я вообще в окно смотрю.

Арон тоже нервно косится в окно, но там только снег и голубое небо.

— По-моему, кто-то переобщался с Ирлик-хоном, — замечает Азамат. — Но вы, ребят, и правда зря переживаете. Прошлый раз тут ма его воспитывать пыталась, и то он только посмеялся. Ну а как мы его спать укладывали, я тебе, Алтонгирел, уже рассказывал.

Алтоша передергивает плечами.

Дети, поняв, что перекуса им не обломится, снова уносятся вверх по лестнице. Котов они там гоняют, что ли... Арон поплотнее запахивает диль и встает из-за стола, видать, аппетит пропал.

— Я пойду, э-э, приберусь наверху. А то мало ли...

Дрожащей рукой открывает дверь и удаляется.

— Пс-ст! Азамат! — зову я приглушенно. — Твоя мать про Кира-то знает?

Азамат кривится.

— Частично. Она знает официальную версию, но я, когда ей звонил, сказал, что при встрече расскажу подробности. В общем, она поняла, что на самом деле все не так.

Алтонгирел подпирает щеку ладонью и возводит очи горе.

— И конечно, ты ей выложишь все как на духу, — предсказывает он.

— Конечно, — спокойно отвечает Азамат. — Я не могу ей врать.

— Ну и что она скажет? — продолжает сочиться скептицизмом Алтоша.

— Не знаю, — тяжело признается Азамат. — Надеюсь, она отнесется к этому философски. Я уверен только в том, что она не выдаст.

— Угу, — мычит духовник. — Лиза небось тоже своей разболтала?

— Естественно! Не могла же я ей сказать, что упустила новорожденного в коляске! Она бы и не поверила. А если б поверила, таких пендюлей бы мне послала, что в Худуле слышно было бы. Еще не хватало, чтобы меня вся семья оставшуюся жизнь держала за беспомощную идиотку!

Алтонгирел только поднимает брови и вздыхает.

— Ты чего-то сегодня в печали, — замечает Азамат, настолько очевидно переводя тему, что духовник даже не сопротивляется.

— Я думаю, что делать с девчонкой.

— А чего думать? Ты же сказал, что поищешь ей наставника, — хмурюсь я. Неужели с ней *еще* что-то не так?

— Поискать-то я поищу, а вот найду ли... — протягивает духовник.

— Да на такой срок найдешь, — заверяет его Азамат. — Я помогу в крайнем случае. Это ж не полноценное учение, это только чтобы она могла нормально жить...

Духовник кривится, а я понимаю, что опять ничего не понимаю.

— Как не полноценное?

— Женщин-духовников не бывает, — поясняет Азамат. — Девочек со способностями учат несколько месяцев, чтобы они умели совладать со своей силой, иначе случайно могут натворить дел.

— То есть они ее потом никак не используют, эту силу? — изумляюсь я. Да если б у меня были какие-то магические способности, я б их каждый день гоняла на всю катушку!

— Никак, — пожимает плечами муж.

— Если только не становятся знающими, — невесело уточняет духовник. — Когда силы много, соблазн ее использовать очень велик. У Айши сила невероятная и сама по себе, а теперь еще и бог подпитывает. В то же время — а на что она будет жить? Какой мужик женится на безродной? Нищий, или жмот, или какой-нибудь извращенец. А если известно, что невеста с богами общается, тут и первые два призадумаются. В то же время, если она с такой силой станет знающей, деньги будет грести лопатой.

Азамат перенимает у Алтоши угрюмое выражение лица. Даже Алэк куксится.

— А чем так плохо, если она станет знающей? — спрашиваю я, готовясь быть размазанной по стенке. — Чем вообще плохи знающие?

Духовник закатывает глаза.

— Азамат, объясни своей жене...

— Нет уж, это ты сам объясняй, это твоя профессиональная обязанность — нести просвещение в духовной сфере.

Алтоша стонет, подхныкивая, как будто у него сильно болит живот, но послушно объясняет:

— Знающие плохи тем, что работают за деньги, а не во благо человеку. Вот, допустим, хочешь ты узнать свое будущее. Приходишь к духовнику. Он в твое будущее заглянет, что-то расскажет, а о чем-то умолчит, потому что если ты будешь об этом заранее знать, изменишь свои поступки, и до добра такое знание тебя не доведет. А если к знающему обратишься, он тебе возьмет и выложит все, что увидит, да еще истолкует паршиво, они ж недоучки почти все. Ну и плюс к тому они на подлость идут за деньги — портят скот, болезни насылают, товары приукрашивают временно. Покупаешь, скажем, ткань, приносишь домой, а она вся гнилая... В таком духе.

— Получается, знающим быть выгоднее, чем духовником? — спрашиваю я. Раз уж Алтоша так разговорчив...

— Вот уж нет, — фыркает он. — Хорошему духовнику опека столько добра нанесет, впору в музей сдавать. Ажгдийдимидин, например, существенно богаче Азамата. А если ты плохой духовник, ты и знающим будешь плохим, если не мошенничать, ничего не заработаешь.

— А тогда почему кто-то вообще становится знающим? С женщинами-то понятно более-менее, как всегда, из-за дискриминации. А мужики-то зачем?

— По двум причинам, — нехотя отвечает Алтонгирел. — Бывает, что нет денег учиться. Наставнику не платят, но и Наставник своего ученика не кормит, а ученик начинает зарабатывать себе на жизнь только через четыре-пять лет, да и то если способный. Поэтому

бывает, что мальчик поучится год-два, а потом надоедает ячмень жрать изо дня в день, вот и уходит карман набивать. Но чаще уходят из-за похоти. Не выдерживают без бабы. Вон знакомый твой, Авьяс. Пять лет отучился, еще четыре года в глубинке практиковал, как положено, вдали от Наставника. Такой был духовник, сказка! — Алтонгирел потрясает руками в воздухе. — Опека у него была двести человек! Двести! Почти как у меня! А вот поди ж ты, встретил эту бабу, она его душу — цоп! И все, прощай, духовник Авьяс.

Алтонгирел уныло потирает лоб, погружившись в свои печальные мысли.

— Но этот хоть доучился и честно работает, насколько я знаю, — замечает он после паузы. — А большинство недоучками уходят, слова-то умные вызубрили, книжек нахватили, а что можно делать, а чего нельзя — без понятия.

Мне становится немного жалко Авьяса. К своей жене он и правда очень трепетно относится, насколько я успела заметить, но бросить любимую престижную работу и стать изгоем ради любви... Кто-то скажет — романтика, я скажу — трагедия. И самое ужасное, не дай бог он ее разлюбит, а обратного пути нет...

— Так это я к чему, — внезапно встряхивается Алтонгирел. — Жалко мне терять квазара. Жалко и страшно. Я готов спорить на любые деньги, что она будет использовать силу. Но ты представь, Азамат, *такую* силу — и не по назначению. Это же будет катастрофа! Она оговорится в одном слове в заговоре, и все население Муданга превратится в блох!

— М-да. — Азамат трет нижнюю губу. — Это вселяет определенные опасения. Но что ты предлагаешь?

— Во-первых, ее надо обучить как следует. Если бы только удалось найти ей Наставника на полный срок! Но уж если удастся, грех будет потом всю эту силу использовать на соседские дразги, пускай работает на благо планеты!

— погоди. — Азамат ссаживает накормленного Алэка в манеж и обращает все внимание на духовника. — Дай мне почувствовать этот исторический момент. Ты, Алтонгирел, предлагаешь сделать женщину духовником? Я не ослышался?

Алтоша смущается, но на попятный не идет.

— Ну а что, у тебя есть идеи получше?

— Нету, — честно признается Азамат. — Но, насколько я понимаю, это беспрецедентно?

— Не совсем, — шурится Алтоша. — Тут... после того как Старейшина Унгуц откопал то пророчество про вас с Лизой, Совет решил провести ревизию архива, на всякий случай, чтобы чего-нибудь важного не пропустить. Нашли много интересного, о чем уже никто не помнил. В частности, откопали документ пятисотлетней давности, в котором говорилось, что в дописьменные времена женщины иногда становились духовниками. Правда, только в маленьких деревушках, в которых не было своих Старейшин, а транспорт тогда был совсем никудышним. Ну и в военное и послевоенное время, когда было мало мужчин. Это, конечно, не совсем та ситуация, но официально прецеденты были...

— Сейчас как раз послевоенное время, — вставляю я.

Духовник хмыкает, а Азамат качает головой.

— Чего только не узнаешь... Так ты это всерьез?

— Всерьез, — тоскливо вздыхает Алтонгирел. — Вот только боюсь, не возьмет ее никто. Без твоей поддержки точно не возьмет.

— Свою поддержку я обеспечу, — тут же соглашается Азамат. — Как вернемся в столицу, сразу в квартальное обращение включу.

— Это... а саму Айшу вы не хотите спросить? — интересуюсь я, хотя после Алтошиных прогнозов тоже думаю, что такой вариант для девочки был бы идеальным. — Вдруг она все-таки замуж хочет?

— Как ты ее спросишь, она же ни говорить, ни писать не может, — напоминает муж.

Алтонгирел неожиданно оскаливается под стать Ирлику.

— Самое интересное, — многообещающе говорит он, — что духовникам не запрещено вступать в брак.

— Это как, прости? — осведомляется Азамат.

— А так. Запрещено только вступать в брак с женщиной. Брака мужчины с женщиной не существует, это другой ритуал. Но вот если духовник сам — женщина, ей ничто не мешает вступить в брак с женщиной.

Азамат в неверии уставляется на Алтошу, я похрюкиваю в кулачок, воображая физиономии Старейшин, которым придется венчать такую пару, и в итоге мы произносим дуэтом:

— А можно я поприсутствую на церемонии?

Алтонгирел покатывается со смеху.

— Чего смеетесь? — спрашивает голова Кира, просунутая в дверь кухни.

— Да так, — говорю, — ты зайди.

Он заходит, и вместе с ним, как приклеенная, Айша.

— Айша-хян, — говорю ласково, — ты бы хотела стать духовником?

Девочка широко раскрывает глаза, порывается что-то сказать, но сдерживается, думает пару секунд, потом решительно кивает. Кир внезапно мрачнеет.

— Еще не хватало, — угрюмо бормочет он.

— А тебе-то чего? — удивляется Алтонгирел. — Жениться на ней тебе это не помешает.

— И вы туда же, — закатывает глаза Кир. — Не собираюсь я на ней жениться, что вы все заладили? Стоит мне какой девчонке что-нибудь хорошее сделать, сразу жениться!

— А почему нет? — улыбается Азамат. — Ты ее знаешь с малых лет, хорошо ладите...

— Ну пра-ально, — возмущается Кир. — Ты жену вон откуда привез, а я почему должен из-под ног подбирать?

Азамат заходится смехом, Айша, как ни странно, тоже. Меня этот обмен репликами совершенно вымораживает, и Азамат обязательно получит полные уши моего мнения о сводничестве, браках по расчету, пренатальном обручении и прочих радостях патриархального уклада, как только дети уйдут из зоны слышимости.

— Так почему ты против сделать из твоей подружки духовника? — настаивает Алтонгирел.

— Вы уж извините, — больше для проформы произносит Кир, — но я вообще духовников не люблю.

— За что? — не отстает Алтоша.

Кир поджимает губы, очевидно стараясь подобрать необидные формулировки.

— Не верю я, что кто-то может знать будущее, — наконец выдавливают он.

— Тебе что-то плохое предсказали? — настораживается Азамат.

— Че сразу мне? Я вообще говорю, — сообщает Кир с независимым видом.

Алтонгирел щурится на него пару секунд, потом возвращается к своему вопросу.

— Но ты же понимаешь, что стать духовником для нее гораздо лучше, чем стать знающей?

— Угу, — кивает Кир. — Если такой выбор, то фигня вопрос.

Айша недоуменно переводит взгляд с Кира на Алтонгирела. По-моему, она еще меньше моего знает о духовниках и знающих. Алтоша, видимо, приходит к тому же выводу.

— Ну ты ей попытайся разъяснить, что к чему, — предлагает он. — Раз ты ее давно знаешь, может, по глазам увидишь, поняла или нет.

— Ладно, разъясню, — без энтузиазма соглашается Кир. Затем взгляд его падает на стол, все еще не убранный после завтрака. — Вообще, она гораздо лучше соображает под колбасу...

От воспитательной драмы нас спасает только клаксон приземляющегося унгуца: матушку привезли.

— Можешь забрать колбасу, — смиряется Азамат. — И посидите у себя в комнате немного, пожалуйста.

Кир тут же чует напряжение в его голосе и оглядывается в окно.

— Хорошо, — быстро соглашается он и хватает связку колбасок — без триумфа и победного прыганья до потолка, которые можно было бы ожидать. В мгновение ока они с Айшей испаряются из кухни.

— Я пойду ее встречу, — говорит Азамат, вставая. — Алтонгирел, ты, может, займешь Арона пока, чтобы он раньше времени не спустился?

— Со мной тоже колбасой расплачиваться будешь? — кривится духовник, но поднимается. — Ладно, понял. Позовешь, когда закончишь выбалтывать секреты.

Азамат кивает ему и поворачивается ко мне.

— Тебе моральная поддержка нужна? — спрашиваю.

— Думаю, на сей раз обойдусь своими силами, — улыбается он.

— О'кей, тогда я тоже пошла за колбасой, — приподнимаю я воображаемую шляпу.

Из окна кабинета мне хорошо видно дорожку к стоянке, которую Азамат с Киром расчистили от снега рано утром в порядке зарядки. Вот Азамат бежит на стоянку, где уже сел унгуц, а пилот выпрыгнул и теперь помогает вылезти пассажирке. Азамат очень красиво бежит, даже если сверху смотреть. Пилот остаться отказывается, выгружает багаж и сразу стартует. Матушка опять с тремя сумками, что уж она в них возит? Надеюсь, она адекватно воспримет новости. До сих пор она казалась мне одной из наиболее вменяемых муданжек, которых я знаю, и все же свои заморочки у нее тоже есть. Зря Азамат меня выгнал. Конечно, она его мать, но я не совсем уверена, что он сможет ей все это преподнести в правильном свете. Помнится, когда он пришел мне сообщить, что у него есть внебрачный ребенок, он начал совсем не с того конца, не туда свернул, да еще сильно драматизировал свое, так сказать, грехопадение. Нет, я очень люблю своего мужа, и как международный дипломат он не знает себе равных, но когда доходит до семейных неурядиц, он, видимо, совсем другие центры в мозгу задействует, иначе я это объяснить не могу.

Короче говоря, к тому моменту, как Азамат звонит мне и разрешает выйти из сумрака, я уже накручиваю себя до состояния хорошей пружины и выстреливаю в сторону кухни, чуть не полетев с лестницы (а ждать лифта мне показалось долго, его же Алтоша угнал на целый третий этаж!).

— Ну о чем ты думал! — доносится до меня ворчание матушки. — Это ж надо, а! Хорошо, Лиза такая покладистая, а то ведь мог бы себе второй раз всю жизнь перепахать!

— Ма, ну если б я знал... — тихо и, видимо, не в первый раз принимается объяснять Азамат.

— Да поняла уже, не оправдывайся, — вздыхает матушка.

Я захожу в кухню. Азамат сидит на низком диване, понурившись, а матушка напротив него на высоком стуле и недовольно смотрит в окно.

— Как так можно... — приговаривает она, качая головой.

— Имигчи-хон? — осторожно зову я.

Она оборачивается и мгновенно расплывается в улыбке.

— Лиза-хян! Какая ты красивая! Ох, давно же я тебя не видела!

— Спасибо, имигчи-хон, вы тоже отлично выглядите, — отзываюсь я, не сразу переключившись на радостный лад. Мы обнимаемся, после чего она снова вскарабкивается на стул, который ей немного высоковат.

— Лиза! — говорит она мне укоризненно. — Что ж ты за мужем-то не уследила, ишь каких дел наворотил!

— Да я, знаете, тогда маленькая была, — нервно усмехаюсь я, кладя руку Азамату на плечо. — И вообще, я считаю, Азамат ни в чем не повинен, кроме дурного выбора невесты.

— Верно говоришь! — поддерживает матушка. — Надо ж было такую шакалиху найти, а? Но ты все равно смотри с ним построже, он же как младенец, без понятия, сам себе вредит постоянно. — При этих словах матушка нагибается и гладит Азамата по голове.

— Ма, ну ты уж не перегибай палку, — смущается он.

— Верно говорите! — поддерживаю я матушку в ее же тоне. — Но то дела прошлые, а уж теперь-то я все время настороже, можете не волноваться.

— Да как тут не волноваться. — Матушка поводит плечами. — Только отвернешься, у него уже дети внебрачные откуда ни возьмись. С такой мамкой страшно подумать, что там за ребенок.

— Ну вот это вы зря, — говорю с укоризной. — Мальчишка отличный, умный, красивый, рукастый, мне по работе помогает, одни плюсы.

— Покажите хоть, он у вас здесь? — недоверчиво просит матушка.

— Да, сейчас я его позову, — включается Азамат и берется за трубку.

— Может, вам пока чаю? — предлагаю я, заметив, что никаких следов пищевой активности на кухне нет. Азамат, видимо, как только матушку в дом ввел, сразу каяться начал, без прелюдий.

— Что вы оба заладили с этим чаем?! — восклицает матушка. — Азамат пять раз предложил, ты теперь... Что я, чаю не пила?

— Ну... Хотите сока карамельной сливы? — тут же исправляюсь я. Азамат, прости, что плохо о тебе подумала.

— А из нее сок жмут? — удивляется матушка. — Вот это интересно, она же ватная такая...

— Сок делают из немного недозрелой, — поясняю я, добывая из холодильника красивый пластиковый кувшин, пока матушка не передумала.

В этот момент дверь робко приоткрывается, и к нам присоединяется встревоженный Кир. Он опасливо смотрит на матушку, потом переводит взгляд на меня и изображает некое подобие вежливой улыбки, которое, впрочем, при необходимости легко выдать за нервный тик.

— Ох ты ж! — восклицает матушка. — Как на Аравата-то похож! Сынок, ты уверен, что он твой?

— Конечно мой! — выпаливает Азамат с неожиданным пылом. — Да и потом, с какой

бы стати Алансэ понесла от Аравата, она ему даже никогда не нравилась.

— Твоя правда, — соглашается матушка, не отрывая взгляда от растерянного Кира. — Но прям вылитый Арават в молодости!

— Да они все друг с друга копии, — вступаюсь я. — Вон и Алэк тоже... Ой, Азамат, он у вас тут задрых под разговоры!

Алэк и правда с ангельским видом посапывает в манеже, обложившись мягкими игрушками.

— Уй-ти ма-а-аленький! — умиляется матушка. — Как там твоя мать его называла? Внучок? Смешное слово, на имя бога похоже.

— Ох, не напоминайте, — содрогаюсь я. — Кир, ты сока хочешь?

Кир неохотно подходит поближе и, кажется, подавляет желание спрятаться за меня.

— Все нормально? — тихо спрашивает он из-за стакана с соком.

— Да, все отлично, — так же тихо отвечаю я и добавляю громче: — Можно собираться на рыбалку!

— Ой, и правда! — вспоминает матушка. — Что мы тут сидим болтаем, пойдемте лучше в лодке болтать.

— Для этого все готово, — подхватывается Азамат. — Только одеться... И да, ма, Арон про Кира знает только официальную версию. Не говори ему, хорошо?

— А он тут, что ли? — моргает матушка. — Конечно, не скажу, у него ж язык за зубами не держится. Давай зови его, хоть раз в дюжину лет младшего сынка повидать!

Вскоре на кухне становится почти тесно — скорее всего, оттого что и Арон, и Алтоша склонны занимать очень много места в пространстве, гораздо больше, чем им полагается по габаритам.

— Мать? — уточняет Арон, присматриваясь. — Еле узнал тебя. Давно не виделись...

— Ишь ты бородищу-то отрастил! — усмехается она в ответ, протягивая руку, чтобы потрогать, но Арон проходит мимо и плюхается на диван, явно намереваясь пустить там корни. Не тут-то было: Азамат поддевает его под мышки и, приподняв над полом, возвращает в зону досягаемости матушкиных рук.

— Поздоровайся по-людски, — грозно велит он опешившему Арону. — Раз в дюжину лет-то можно!

— Ладно-ладно, — бормочет Арон. — Чего ты сразу...

Он послушно обнимает развеселившуюся матушку.

— Ты, Азамат, его в детстве не воспитал, так сейчас принялся? — смеется она, отпуская Арона. — Ну-ну, давай тренируйся, тебе вон еще двоих в люди вывести надо. А, Алтонгирел-хян, здравствуй, и ты тут. Ну, Азамат, вечно ты к жене в дом гостей натащишь!

Алтонгирел скомканно здоровается и, подобно Киру, прячется за стаканом сока.

— А *это* кто? Сынок, ты ж про одного вроде говорил...

Азамат хохочет.

— Не волнуйся, ма, это Кирова подружка, мы ей ищем духовного наставника, ей силу надо укрощать, а то пока она говорить не может.

Айша смущенно улыбается и отвечает легкий поклон.

— Опять ты за других людей работу делаешь, — вздыхает матушка. — Ладно, видать, судьба такая. Ну что, рыбалка у нас будет сегодня или так и просидим весь день? Я вот и любимые снасти привезла. Там погода сказочная, ветра нет совсем, хвоинка не колыхнется. Пойдемте уже!

Все кидаются одеваться и собираться. Я-то дома остаюсь, но надо детей одеть, еду упаковать. Напяливаю на Айшу три пары шерстяных носков, а потом заворачиваю ей ноги в плед. Сверху-то на нее надевается дареная шуба, в которую ее можно три раза завернуть, но уж зато тепло.

— Чегой-то, она ходить не может, что ли? — спрашивает матушка, наблюдая за моими действиями.

— Может, но у нее зимней обуви нет вообще, мы же ее из приюта забрали.

— Из приюта? — хмурится матушка. — А вроде чистенькая.

— Отмыли, — усмехаюсь я.

— А, ну раз отмыли, так что ж, у тебя в хозяйстве сапог не найдется лишних?

— Ей все велики, ножка крошечная.

Матушка подходит, довольно бесцеремонно берет Айшину ногу, задирает повыше и прикладывает к своей ладони.

— Да как моя у нее нога. Возьми вон в синей сумке сверху у меня запасные сапоги да надень ей. Не дело это здоровую девчонку на руках таскать.

— Ма, — Азамат застывает в процессе шнурования ботинок, — зачем ты сюда привезла запасные сапоги? Ты тут зимовать вознамерилась, что ли?

— Еще чего! — подбоченивается матушка. — У меня свой дом есть! А сапоги взяла на случай, если в лодке промочу.

— В *моей* лодке не промочишь, — обижается Азамат.

— Давайте топайте уже в эту лодку, — говорю, надевая на Айшу сапоги. Насчет того же размера матушка погорячилась, конечно, но на три шерстяных носка нормально. — Скоро стемнеет!

— Это как раз хорошо, — возражает Азамат, закидывая за плечо короб с едой. — В сумерках ловится лучше. Ну, все готовы? Пошли!

Когда дверь за ними закрывается, я вздыхаю с облегчением.

Пока их нет, я немножко шуршу по хозяйству: прибираю на кухне, подготавливаю плацдарм для возни с рыбой, в процессе натыкаюсь на открытую книжку и снова зависаю над изображениями Ирлика. Ну не лежит у меня к ним душа. Ладно, надо хоть канву поискать, я вроде покупала большой кусок черной. А Ирлика надо, конечно, на черном фоне, он ведь такой весь светящийся... Рулон канвы обнаруживается в ларе, которому Кир смастерил замок, поэтому туда больше не попадают тонны кошачьей шерсти. Размер даже масштабнее, чем я думала, полтора на полтора. Я обвышиваюсь... Можно, конечно, отрезать, но у тряпки фабрично обработанный край... Да и я обещала Ирлику *большой* портрет. Ладно, пока размечу для очистки совести, а потом еще подумаю. Где мой большой белый маркер?..

[Купить полную версию книги](#)